

Н. Е. АНДРЕЕВ

Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного*

I

Исправления текста и дополнения его в так называемом Синодальном списке Никоновской летописи, охватывающем годы 1535—1542 (март)¹ и 1553 (август)—1558,² а также в так называемой Царственной книге, излагающей события с сентября 1533 по 1553 г.,³ неоднократно привлекали внимание историков из-за ряда важнейших политических сведений, в них сообщенных, и благодаря тому, что они обнаруживают ту редакционную работу, которая проводилась над русскими летописями.

Целью настоящей статьи является установление личности возможного автора этих приписок, которые, как указал С. Ф. Платонов, редактор XIII тома ПСРЛ вышедшего в 1904 г. (первая половина тома) и в 1906 г. (вторая половина тома), все «писаны одною и тою же скорописью и сделаны, без сомнения, тем же самым лицом».⁴ Значит, если бы удалось установить хотя бы в одной приписке несомненную принадлежность ее какому-либо деятелю XVI в., весь вопрос мог бы считаться более или менее разъясненным, а зная личность автора, было бы легче определить степень достоверности известий, сообщенных им.

Следует указать, что первые конструктивные соображения по этой теме можно найти у А. Ясинского, который, хотя и не занимался специально приписками, сделал в 1889 г. существенное и верное наблюдение, что Грозный «вытребовал из архива бумаги, относящиеся к отъезду и пытке в деле князя Ростовского»,⁵ в связи с сыском по доносу на Старичкиных дьяка Савлука Иванова в 1563 г. Как известно, уточнение деталей этого дела составляет содержание приписки под 1554 г. в Синодальном списке.⁶

Ясинский высказал также мнение, отчасти не потерявшее значение и теперь,⁷ что «официальная московская летопись составлялась при архиве и просматривалась самим государем; до весны 1560 г. составлял ее Але-

* Приписки, сделанные неизвестным автором на лицевых летописных сводах XVI в. (Синодальный список Никоновской летописи и Царственная книга), представляют собой один из интереснейших памятников древнерусской публицистики и не раз привлекали внимание советских исследователей (Д. Н. Альшиц, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов и др.) Предоставляя в настоящем томе место доценту Кембриджского университета Н. Е. Андрееву для подробного изложения его взглядов (до сих пор не излагавшихся на русском языке) на происхождение и авторство приписок, редакция ТОДРЛ предполагает в одном из последующих томов вновь вернуться к этому вопросу

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб, 1904, стр. 87—142.

² Там же, стр. 234—300.

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб, 1906, стр. 409—532.

⁴ Там же, стр. VII. С этим мнением согласны и все другие исследователи, видевшие оригиналы летописей.

⁵ А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке. — Университетские известия Киев, 1889, № 5, стр. 29 и сл.

⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 372—373.

ксей Адашев, а после его падения этим делом занимался печатник Иван Михайлович Висковатый, в заведывании которого находился и московский государственный архив... Заведывание архивом было соединено со службою по дипломатической части и с обязанностью составлять списки, что „писати в летописец“, т. е. вести московскую официальную летопись».⁸

В 1893 г. А. Е. Пресняков, специально изучавший Царственную книгу, не смог правильно подойти к проблеме из-за неверной палеографической экспертизы А. И. Соболевского, который, как и А. Ф. Бычков, относил эти памятники ко второй половине и даже к концу XVII в.⁹

В 1899 г. произведенные Н. П. Лихачевым анализы бумаги лицевых сводов дали, однако, твердую основу для заключения, что и Синодальный список, и Царственная книга появились в пределах XVI в., а его замечание, что «поправки к Царственной книге писались во время, очень близкое к несчастной кончине» князя Владимира Андреевича Старицкого, погибшего в 1569 г., дали впервые какую-то хронологическую точку, оканчивающуюся полезной для дальнейших уточнений.¹⁰

В 1899 г. А. А. Шахматов в рецензии на труд Н. П. Лихачева высказал согласие с мнением последнего, что источники приписок надо искать «в воспоминаниях очевидцев».¹¹

В 1901 г. А. Е. Пресняков заметил: «Есть основания думать, что лицевые летописи рассказывали о событиях если не современных, то очень близкого прошлого. Я разумею ту шепетильность редакционной работы, которая выразилась в тщательном уничтожении наименования князя Владимира Андреевича братом государя, в вычеркивании некоторых имен: М. С. Воронцова и П. Е. Головина, М. Глинского и Тучкова, Михаила Юрьевича».¹²

В 1923 г. С. Ф. Платонов высказал мнение, что лицевой свод переделывался и дополнялся, «по-видимому, по указаниям самого Грозного».¹³

В 1945 г. С. В. Бахрушин сформулировал свое отношение к теме следующим образом: «Тенденциозный подбор вставок и указанные (Бахрушин дал ряд примеров, — Н. А.)¹⁴ совпадения с содержанием царских писаний не оставляют сомнения в том, что они были сделаны по распоряжению самого царя. Мы можем угадать источники, откуда черпались эти дополнительные сведения. В ряде случаев это, несомненно, следственные дела о „поносительных словах“ и об измене (например, следственные дела о князе Лобанове-Ростовском и о „мятеже“ при крестном целовании маленькому царевичу Дмитрию), в других случаях — разрядные выписки, например о местничестве воевод и тому подобные. Однако эти официальные данные дополнялись личными воспоминаниями современников и очевидцев (например, характеристика Сильвестра, вклинивающаяся в рассказ о крестоцеловании)».¹⁵ Бахрушин отметил, что «фактическое содержание в посланиях Грозного близко к тексту вставок»,¹⁶ однако противопоставлял им «другой источник», «более объективный», — «Летописец

⁸ А. Ясинский Московский государственный архив в XVI веке, стр. 36

⁹ А. Е. Пресняков Царственная книга, ее состав и происхождение СПб, 1893, стр. 6, прим. 6; ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 1

¹⁰ Лихачев, Вод. зн., т. 1, стр. CLXIII.

¹¹ ИОРЯС, т. IV СПб, 1899, стр. 1484.

¹² А. Е. Пресняков. Заметка о лицевых летописях — ИОРЯС, т. VI. СПб, 1901, стр. 299

¹³ С. Ф. Платонов Иван Грозный СПб, 1923, стр. 8

¹⁴ С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного — В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 332—333.

¹⁵ Там же, стр. 333.

¹⁶ Там же.

лет новых», который составлялся Алексеем Адашевым, а после его отстранения от власти «было приступлено к продолжению начатой работы, а сбранные им материалы были переотредредррованы».¹⁷

В 1947 г. С. Б. Веселовский, говоря о событиях 1553 г., высказал убеждение, что «внимательное исследование этого источника показывает, что все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, — позднего происхождения; она сделана лет 18—20 спустя после болезни царя 1553 г., при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией — оправдать царя в казни Старицких князей в 1569 году».¹⁸

Таково было не слишком блестящее положение вопроса в специальной литературе, когда в том же 1947 г. Д. Н. Альшиц сделал первую попытку выдвинуть гипотезу о том, что автором приписок является не кто иной, как сам Иван IV.¹⁹ Царь, по Д. Н. Альшицу, отредредровал Синодальный список до 1564 г., ибо последний начал создаваться до 1559 г., а Царственную книгу — не раньше 1564 и не позже 1568 г.²⁰ При этом Иван IV стремился «увекочить как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики с Курбским».²¹

В 1948 г. Д. Н. Альшиц опубликовал специальную статью о приписке под 1553 г.²² По Д. Н. Альшицу, «достоверность рассказа приписки к Царственной книге под 1553 г. об открытом мятеже во время царской болезни является во многих отношениях сомнительной и не находит подтверждений».²³ Д. Н. Альшиц думает, что «так как действительность 1553 г. не могла быть ни началом, ни причиной всех последующих бед, то неизбежно пришлось дополнить ее некоторым вымыслом».²⁴ В глазах Д. Н. Альшица «приписки приобретают новое значение как группа наиболее многочисленных и наиболее интересных произведений Ивана Грозного».²⁵

В 1957 г. Д. Н. Альшиц опубликовал новую статью.²⁶ В ней он попытался обосновать авторство царя и во всех прочих приписках и изменениях, объясняя, что Грозный пользовался при корректуре летописи «разрядной книгой, Никоновской летописью, статейными списками посольств, родословными книгами и подлинными архивными документами»,²⁷ что иногда у него есть в приписках «воспоминания очевидца»,²⁸ что, дополняя летопись известиями политического характера, Грозный, для придания наибольшей силы и убедительности своим рассказам, отступал иногда от точной передачи событий, смещал факты во времени и ставил во взаимосвязь такие элементы прошлого, которые в действительности между собой связаны не были».²⁹ В «Приложении»³⁰ к своей статье Д. Н. Аль-

¹⁷ Там же, стр. 332.

¹⁸ С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — Изз, т. 22. М., 1947, стр. 106.

¹⁹ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Изз, т. 23. М., 1947, стр. 251—289

²⁰ Там же, стр. 265—266, 283

²¹ Там же, стр. 272

²² Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — Изз. т. 25. М., 1948, стр. 266—292.

²³ Там же, стр. 285.

²⁴ Там же, стр. 289. (Разрядка наша, — Н. А.)

²⁵ Там же, стр. 292.

²⁶ Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. IV (1). Л., 1957, стр. 119—146.

²⁷ Там же, стр. 125.

²⁸ Там же, стр. 126.

²⁹ Там же, стр. 132.

³⁰ Там же, стр. 145—146.

шиц сообщил, что он неожиданно в послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь в марте 1584 г. обнаружил автограф царя. «Между почерком этого послания и почерком приписок много общего, но есть и незначительные отличия». Эти отличия легко устраняются Д. Н. Альшицем — почерк царя изменился с возрастом. Можно было бы поздравить Д. Н. Альшица с этим открытием, если бы эта гипотеза Д. Н. Альшица была бы палеографически доказана, но пока что это не сделано.³¹

В 1959 г. Д. Н. Альшиц выступил с полемической статьей³² против И. И. Смирнова. Последний, не касаясь вопросов о приписках в целом и их авторе, признает бесспорной высокую достоверность рассказа под 1553 г. о боярском «мятеже» при крестоцеловании «пеленочнику» Дмитрию во время тяжелой болезни царя.³³ В своей статье Д. Н. Альшиц стремится отвести, как делал мимоходом и раньше,³⁴ значение крестоцеловальной записи, взятой с князя Владимира Андреевича Старицкого непосредственно после этой боярской склоки в «передней избе», соседней с покоем, где лежал, «мало и людей знаяше», царь.

В 1960 г. Д. Н. Альшиц опубликовал полемическое возражение автору этих строк.³⁵ Последний в 1956 г. напечатал по-английски работу,³⁶ в которой, исходя из восьми «несомненных черт»,³⁷ характеризующих автора приписок и сформулированных самим Д. Н. Альшицем, показал, что возможно и другое решение, чем выставление кандидатуры Ивана IV, а именно, что редактором официальной летописи скорее являлся другой кидный деятель эпохи, «ближний верный думец»,³⁸ свыше двух десятилетий доверенное лицо царя, которого Иван IV, по выражению современника, «любил, как самого себя»,³⁹ выдающийся дипломат и политик, печатник, т. е. хранитель государственной печати, заведующий царским архивом и «секретарь тирана», по словам А. Шлихтинга,⁴⁰ посольский и думный дьяк Иван Михайлович Висковатый, казненный 25 июля 1570 г.⁴¹ Возражая автору настоящей статьи, Д. Н. Альшиц не заметил или не за-

³¹ Уместно припомнить, что все усилия Н. П. Лихачева, выдающегося археографа и палеографа, по розыску почерка Грозного не привели к успеху. В своей работе «Дело о приезде в Москву Антония Поссевина» (СПб., 1903, стр. 60, 105, табл. IV) он опубликовал два кратких текста, «не делаея предположений», но давая понять, что в одном из них можно видеть факсимиле почерка царя Ивана. Ср. мнение С. Ф. Платонова (Иван Грозный, стр. 6).

³² Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недолгое завещание Ивана Грозного. — История СССР. М., 1959, № 4, стр. 147—155.

³³ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958 (далее: И. И. Смирнов), стр. 483—485.

³⁴ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года, стр. 283.

³⁵ Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 617—625. Ср. популярное изложение работ Д. Н. Альшица: Р. Пересветов. Загадочные приписки. — Новый мир. М., 1960, № 9, стр. 205—212.

³⁶ N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles. — The Slavonic and East European Review, t. XXXV, № 84. London, 1956, стр. 95—115.

³⁷ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 267.

³⁸ С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Ученые записки Московского государственного университета, вып. 167, 1954, стр. 51.

³⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Краузе. — Русский исторический журнал. Пгр., 1922, № 8, стр. 51.

⁴⁰ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Перевод, ред. и прим. А. И. Маленна. Л., 1934, стр. 46.

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV—начало XVII в. М., 1955, стр. 311. Об обстоятельствах гибели Висковатого см.: N Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 105—106, прим 43

хотел заметить, почему его оппонент сосредоточил свое внимание прежде всего на анализе приписки 1553 г. Именно в этой приписке находится «ключ» к определению возможного автора интерполяций.⁴²

Во избежание недоразумений надо подчеркнуть, что частый в тех или иных летописях тенденциозный подбор сведений не подлежит сомнению, нередко вполне ясна их политическая направленность.⁴³ В официальной летописи, какой-либо являющейся лицевые своды Грозного, совершенно очевидна ее главная линия: утверждение и прославление Московской державы, Российского царства и главы этого государства — великого князя Московского, с 1547 г. царя.⁴⁴

Но, само собой разумеется, есть глубокая разница между подбором исторических фактов и выдумыванием или сознательным искажением их. Если действительно Висковатый был автором приписок, достоверность рассказа о событиях, излагаемых в приписках, значительно повышается, хотя в них тоже проявляется авторская субъективность в отдельных характеристиках (например, Сильвестра) и проводится общая политическая тенденция в духе царской политики конца 60-х годов XVI в., правда, с некоторыми отклонениями в подробностях.

II

Почему же нельзя принять гипотезу Д. Н. Альшица? Прежде всего потому, что характер приписок обнаруживает в нескольких пунктах важные, коренные расхождения с личным мнением Грозного, в частности с его письмом от 5 июля 1564 г. Курбскому. По Д. Н. Альшицу, царь, делая приписки, стремился «увековечить» «как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики». На самом же деле нет тождества между отношением Грозного в письмах к Курбскому к «собацкой власти», т. е. к Избранной раде, и отношением автора приписок к Сильвестру и к Алексею Адашеву в приписке под 1553 г.

⁴² Д. Н. Альшицу уверяет, что в манере «резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного» (Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 625). Те, кто знает мои работы по истории Руси XVI в., вероятно, сразу же заметят несправедливость утверждения Д. Н. Альшица. Я действительно возражал против мнения И. И. Смирнова, будто Алексей Адашев не хотел присягать в 1553 г. малолетнему Дмитрию, но против этого мнения возражал почти в тех же выражениях А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 171) и позднее сам Д. Н. Альшиц (Крестоцеловальные записи, стр. 152). В указанной выше статье (стр. 99, 103, 111) я трижды солидаризируюсь с мнениями И. И. Смирнова, который, как я отмечаю, вплотную подошел к «тайне» приписок. В другом случае я не соглашался с С. В. Бахрушиным (N. Andreyev, Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, t. XXXIII, № 81. London, 1955, стр. 422, прим. 46; мои слова «undue imaginativeness» — «ненужное воображение» Д. Н. Альшиц переводит как «излишнее фантазирование»), но приводить мои аргументы в примечании я не имел возможности. Также я не соглашаюсь в одном пункте с Я. С. Лурье, называя его мнение «не отвечающим месторазвитию и бесплечивным» (Д. Н. Альшиц переводит «нелепым и необоснованным»), однако в обеих указанных статьях, а также и в других работах я многократно солидаризируюсь с тезисами Я. С. Лурье; книга «Послания Ивана Грозного» (М.—Л., 1951), подготовленная Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье, названа мною «очень ценным и полезнейшим изданием» (N. Andreyev, Kurbsky's Letters..., стр. 414).

⁴³ Работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко, А. Е. Преснякова, Н. Ф. Лаврова, С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, С. П. Розанова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашута, А. А. Зимины и других исследователей дают исчерпывающие доказательства этому тезису.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 362 и сл.

Грозный — и в письме 5 июля 1564 г., и в письме 1577 г. — или прямо соединяет имена Сильвестра и Адашева,⁴⁵ или же он соединяет имя Сильвестра («попа») с боярами и вельможами, поддерживавшими этих временщиков.⁴⁶ Таков, например, смысл знаменитого вопроса Грозного: «Или убо сие свет, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председаением и царствия честию почтенну быти, властью же ничим же лучше быти раба?»⁴⁷ Грозный заявляет с полной определенностью: «Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобесного умышления, понеже с попом положисте совет, дабы яз лише словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государь: сего ради вся сие склочишася, понеже и доныне не престаете, умышляюще советы злые».⁴⁸ И далее следует важнейшее для нашей темы заявление царя: «Тако же поп Селивестр и со Алексеем здружиися и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразумных суца, и тако, вместо духовных, мирская начашася советовати, и тако помалу всех бояр начаша в самовольство приводити, нашу же красоту власти с вас снимающе и в супротисловие вас приводяще».⁴⁹ «Посем же с тем своим единомысленником (князем Дмитрием Курлятевым, — Н. А.) от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша».⁵⁰ «Сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе и яко же кто како восхоцет: потому же утвердиша дружбами, и вся властью во всей своей воли имый, ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждение по своей воле и своих советников хотение творяще».⁵¹ В этом же направлении, связывая Сильвестра с «вашим злочестием», говорит Грозный и в других местах послания,⁵² подчеркивая вновь уже высказанную мысль, что «како же и самодержец наречется, аще не сам строит?»⁵³ Объясняя опалу Алексея Адашева и Сильвестра, царь считает, что «хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися?»⁵⁴

Таким образом, решительно во всех местах (и во всех редакциях) письма от 5 июля 1564 г., в которых упоминается Сильвестр, «некий священник от Благовещенья» появляется совместно с «вашим злодеянием», т. е. с боярством, — вместе они и пытаются «снимать» с царя «красоту власти».

В тех же местах царского письма, где Сильвестр и Алексей Адашев соединены как сдружившиеся временщики, которых царь сам приблизил

⁴⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 16, 37, 39—41, 48, 49, 52, 56, 57, 77, 97, 98, 100, 101, 109, 117, 120, 121, 129, 209, 210.

⁴⁶ Там же, стр. 5. Интересно отметить, что Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» отмечал, что в окружении Ивана IV принято осуждать царских «недоброхотов», обвиняя их в том, что «еще Селивестров и Алексеев дух (сиречь бычай) не вышел из них» (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, стр. 73). Замечательно и у Курбского неизменное соседние этих двух имен.

⁴⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 22.

⁴⁸ Там же, стр. 23.

⁴⁹ Там же, стр. 37. Ссылка на эти слова Грозного была сделана нами (по английскому переводу Дж. Феннела) в указанной выше статье (N. Andrejev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 108—109, прим. 47) в доказательство того, что характеристика Сильвестра в послании царя и в приписке 1553 г. не совпадает. Несмотря на точную ссылку, Д. Н. Альшиц заявил, что наше понимание слов царя «является недоразумением, основанным, вероятно, на неправильном толковании Н. Андреевым выражения Грозного: „он же (т. е. Сильвестр, — Д. А.), восхитихся властью, яко же Илии жрец“» (Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 621).

⁵⁰ Там же, стр. 38. (Разрядка наша, — Н. А.)

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 76, 83.

⁵³ Там же, стр. 84.

⁵⁴ Там же, стр. 101—102.

к себе, «чающе . . . прямые службы»,⁵⁵ вина Сильвестра усматривается в том, что он, «яко же Илии жрец, восхитихся властию», начал «совокуплятися в дружбы подобно мирским». ⁵⁶ Отсюда и началось «отымание» власти у царя. Грозный с замечательной последовательностью очерчивает в письме эту антицарскую линию, проводившуюся Адашевым, Сильвестром и их советниками. Другого мотива в первом письме царя нет.

Не изменилась точка зрения Грозного и тринадцать лет спустя, когда во время победоносного похода 1577 г в Ливонию он послал с князем Александром Полубенским, начальником польских частей в Ливонии, попавшим в русский плен и отпущенным в Польшу, свое второе послание Курбскому. Здесь вновь звучит прежний мотив о стремлении боярско-княжеских кругов умалить власть царя: «Тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Алексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Русскую землю видети; бог же дает власть, ему же хоцет»,⁵⁷ в данном случае Ивану IV.

Более резко звучит только одно неясно сформулированное и прежде обвинение в какой-то неприязни московской правящей группы Сильвестра, Адашева и бояр к первой жене царя, Анастасии Романовне: «А и с женою вы меня про что разлучили?» Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было». ⁵⁸

Замечательно, что Курбский в своем «На вторую эпистолию отвещании цареву Московскому убогого Андрея Курбского, князя Ковельского» (1578 г) не опровергает царских слов об интригах и брожении среди бояр у постели больного Грозного, кратко отмечая: «А о Володимере брате вспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство, — воистинну, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того» ⁵⁹ Курбский отвечает только за себя, не обсуждая существо сообщений Грозного. Не есть ли такой оборот в ответе Курбского косвенное подтверждение «мятежа» в марте 1553 г? Он не мог не знать о волнениях при крестоцеловании наследнику Грозного ⁶⁰ Царь писал ему о Старицких дважды, как бы вызывая на реплику. В первом письме: «Тогда убо еже от тех нарицаемия доброхоты възшаташася, яко пьяни, с попом Селиверстром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благоденний наших и еже и своих душ, еже стцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искали: они же хотеша воцарити, еже от нас расстояшася в колене, князя Володимера; младенища же нашего, еже от бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Владимира . . . Та же божим милосердием, нам оздравевшим, и тако сей совет рассыпаша; попу же Селивестру и Алексею оттоле не престающе, вся злая советующе и утеснение горячайшее сотворити . . . князю же Володимеру во всем убо хотение удержаше». ⁶¹

Во втором письме: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? . . . А князю Володимеру почему было бы быти на государстве? От четвертого удельного родился Что его

⁵⁵ Там же, стр 97

⁵⁶ Там же

⁵⁷ Там же, стр. 209.

⁵⁸ Там же, стр 210

⁵⁹ Н Устрялов Сказания князя Курбского, стр 203

⁶⁰ Помимо своей близости к правящей верхушке Москвы он был также в родственных, хотя и не близких, связях с Анастасией Романовной и князем Владимиром Андреевичем (Н Устрялов Сказания князя Курбского, стр 356—357, J L I Fen-pell The Correspondence between Prince A M Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia Cambridge, 1958, стр 212)

⁶¹ Послания Ивана Грозного, стр 100

достоинство к государству, которое его поколение, развеет ваши измены к нему, да его дурости?».⁶² Здесь уже подводится итог печальной судьбе «государева брата», но, очевидно, Грозный не мог, обращаясь к Курбскому, иметь в виду только финальные этапы биографии Владимира Старицкого, — недаром Иван напоминает, что именно он, царь, освободил его с матерью «из тюрьмы», в которой «ваши же дяди и господины отца его уморили»: «Я его и мать от того свободил и держал во чти в урядстве».⁶³

Приписка под 1553 г. написана по-иному. Прежде всего разобцены Сильвестр и Алексей Адашев. Сильвестр в приписке выступает в согласии с письмами Грозного, сторонником Владимира Старицкого. Алексей Адашев, напротив, уже вечером 11 марта, т. е. когда царь, по совету окружающих, велел приводить «к целованию на царевичево княже Дмитриево имя» князя Владимира Андреевича и бояр, целует крест прямому наследнику Ивана IV.

Дальнейшая небезынтересная деталь, сообщаемая в приписке и не подчеркнутая в письмах Грозного, — это тот факт, что в среде боярства были сильные противники князя Владимира Старицкого, следившие с подозрением за действиями его и княгини Ефросинии, лелеявшей, по-видимому, мечту о воцарении сына. Вероятно, в тот же день, 11 марта, на московском дворе Старицких разыгрались многозначительные события: «А в то же время князь Володимер Андреевич и мати его събрали своих детей боярских, да учили им давати жалованье деньги; и бояре о том князю Володимеру учили говорити, что мати его и он так не гораздо делают, государь недомогает, а он людей своих жалует, и князь Володимер и мати его почали на бояр велми негодавати и кручинитесь; бояре же начаша от них беречися (т. е. приняли меры предосторожности, опасаясь их действий, — Н. А.) и князя Володимера Андреевича ко государю часто не почали пущати». Кто же эти бояре? Сама приписка дает точный ответ, рассказывая о тех, кто принес вечером 11 марта присягу на верность царевичу Дмитрию: «...и после того на завтра, как приводил государь бояр своих ближних». Это «ближняя дума», в составе, однако, не совсем полном, так как два члена ее, князь Дмитрий Иванович Курлятев и казначей Никита Афанасьевич Фуников, согласно приписке, сказались большими (о них речь будет ниже). Налицо были и крестоцелование совершившие родственник царя, князь Иван Федорович Мстиславский, сохранивший свои позиции вплоть до смерти Грозного;⁶⁴ князь Владимир Иванович Воротынский, умерший, по-видимому, 27 сентября 1553 г.;⁶⁵ Иван Васильевич Шереметев Большой, попавший в опалу в 1564 г., насильно постриженный в монахи в период между маем и июлем 1570 г.;⁶⁶ Михаил Яковлевич Морозов, казненный летом 1573 г.;⁶⁷ князь Дмитрий Федорович Палецкий;⁶⁸ Даниил Романович Юрьев, брат царицы, умерший 27 ноября 1564 г.;⁶⁹ Василий Михайлович Юрьев, племянник царицы, скончавшийся в апреле

⁶² Там же, стр. 210

⁶³ Там же. Все нижеследующие летописные цитаты, не обозначенные точной ссылкой на источник, взяты из текста приписки под 1553 г. в Царственной книге (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 522—526)

⁶⁴ О нем см. С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 118—121, А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках — Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 61, прим. 240.

⁶⁵ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 63, прим. 264

⁶⁶ Там же, стр. 61, прим. 237

⁶⁷ О нем см. С. В. Бакушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 336—337;

А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 62, прим. 244

⁶⁸ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60, прим. 227.

⁶⁹ Там же, стр. 59, прим. 221.

1567 г.;⁷⁰ член ближней думы ex officio дьяк Иван Михайлович Висковатый, казненный в 1570 г.;⁷¹ думные дворяне Алексей Федорович Адашев⁷² и Игнатий Михайлович Вешняков, умершие в 1560—1561 гг.⁷³

Именно тогда, когда эти ближние думцы выступили с предохранительными мерами против Владимира Старицкого, вмешался Сильвестр, который был «советен и в велицей любви у князя Владимира Андреевича и у матери его княгини Ефросиньи». Дальше следует новое заявление, которого нет в письмах Грозного: «...его (Сильвестра, — Н. А.) бо промыслом и из нятства выпущены». Во втором письме к Курбскому, цитированном выше, царь категорически приписывал себе освобождение Старицких из тюрьмы. Не столь существенно в данном случае, как это было на самом деле, но важно, что сам Грозный не соединял этого акта с именем Сильвестра. Значит, можно думать, что в этой фразе приписки есть или отражение исторического факта, или — что правдоподобнее — нарочитое сгущение обвинений против Сильвестра.⁷⁴ На принятие последнего предположения наталкивает характеристика Сильвестра, непосредственно предшествующая в приписке разбираемому сообщению, — она, как увидим несколько ниже, продиктована сильным личным чувством против временщика. Необходимо поэтому считать, что роль Сильвестра в деле освобождения Старицких в 1540 г. несколько преувеличена в приписке.

Итак, Сильвестр вмешался в действия ближних бояр, говоря: «„Про что вы ко государю князя Владимира не пускаете, брат вас бояр государю добротнее“. Бояре же глаголаша ему: на чем они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по тому и делают, как бы их государству было крепче». Дальше идет вновь замечательное заявление, чуждое формулировкам Грозного о боярстве в письмах: «...и оттоле бысть вражда межи бояр и Селивестром и его съветники».

Перед нами возникает картина совершенно иного характера, чем мы могли бы ожидать, считая, что в приписках «увекочены» как оправдательные, так и обвинительные аргументы царя, высказанные им в письме от 5 июля 1564 г. Курбскому. Алексей Адашев и Сильвестр находятся в разных лагерях, а члены ближней думы, многие из которых попали в опалу, как видно из биографических справок, выше данных, горой стоят — по собственной инициативе — за «пеленочника» Дмитрия.

Более того, из приписки перед нами вырисовывается обстановка, совершенно противоречащая концепции Грозного: перед нами факт отсутствия единого мнения и действий среди тех четырех лиц, о которых известно из писем Грозного или со слов Курбского, что они входили в Избранную

⁷⁰ Там же, стр. 61—62, прим. 241.

⁷¹ См. о нем: И. И. Смирнов, стр. 257—261; N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 100—106.

⁷² См. о нем: С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева, стр. 29 и сл.; И. И. Смирнов, стр. 212—231.

⁷³ А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — ИЗ, т. 63. М., 1958, стр. 196, прим. 150.

⁷⁴ А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники, стр. 44), приводя ряд вполне убедительных данных в пользу предположения о переезде Сильвестра в Москву задолго до 1547 г., признает это замечание в приписке Царственной книги «вполне правдоподобным». Действительно, Грозный, которому в момент освобождения Старицких было двенадцать лет, едва ли мог помнить всех «промышлявших» об их освобождении. Новгородская летопись упоминает только о митрополите Иосафе и боярах (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 135). Сильвестр мог быть не назван, так как действовал «в кулуарах» или митрополита, или бояр, к тому же он тогда еще не был лицом знаменитым. Однако Грозный, стоишь занимаясь вопросом о «четвертом удальном», конечно, позднее должен был иметь информацию о роли Сильвестра в этом деле, и в первом послании к Курбскому подобная деталь была бы весьма выигрышной в перечне прегрешений «попа». Значит, Грозный едва ли знал о такой подробности.

раду. Алексей Адашев и М. Я. Морозов⁷⁵ целуют крест Дмитрию, Сильвестр поддерживает Владимира Старицкого, а князь Д. И. Курлятев,⁷⁶ которому посвящены столь раздраженные слова в первом послании Грозного Курбскому, сказался больным, предпочитая, по-видимому, сначала выяснить обстановку: он «целовал на третий день (т. е. 13 марта, — Н. А.), как уже мятеж минулся». Только по слухам («глаголаху», «будто») он сносился со Старицкими. Сильвестр оказался — в приписке — в состоянии некоторой изолированности от своих ближайших единомышленников. Едва ли такая ситуация, изображаемая в приписке, свидетельствует в пользу гипотезы об авторстве Ивана IV, всегда подчеркивавшего единство взглядов Адашева, Сильвестра и их сторонников.

Князь Д. Ф. Палецкий, умерший в 1558 г.,⁷⁷ вел, согласно приписке, двойную линию присягнув Дмитрию, но одновременно сносился со Старицкими. Его дочь Ульяна Дмитриевна была женой недееспособного брата царя, Юрия Васильевича; может быть, именно поэтому, опасаясь смерти Ивана IV и возможного прихода к власти князя Владимира, Палецкий, уже, по-видимому, человек немолодой, старался застраховать себя на случай перемен. Если бы Грозный на самом деле делал приписку, непонятно, зачем ему надо было беспокоить тень своего свойственника? Рассказ приписки о сношениях Палецкого со Старицким отзывается эхом действительных происшествий.

В тоне передачи тогдашних слухов («глаголаху») говорит приписка и о сношениях со Старицкими казначей Н. А. Фуникова, который с ложа — мнимой или настоящей — болезни «встал, как государь гораздо оздоровел, и тогда целовал после всех людей». Фуников был казнен в 1570 г. вместе с Висковатым. Между тем до того он проделал хорошую служебную карьеру. Он был родственник царского крестного отца — «троецкого старца» Иова Курцова, был женат на сестре любимца Грозного, князя Афанасия Ивановича Вяземского; по-видимому, стал старшим казначеем в 1566 г.⁷⁸ В первом послании 1564 г. Курбскому Грозный обвиняет Избранную раду в преследовании Н. А. Фуникова. «Что ж о козначее нашем Никите Офонасьевиче? Про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальних странах, во алчбе и нагоде держасте?»⁷⁹ Как видим, приписка в данном пункте полностью противоречит словам Грозного. Можно ли считать, что эта приписка совпадает с первым посланием царя и даже «увековечивает» аргументы этого послания? Как будто бы ясно, что нельзя. Приписка о Фуникове отражает воспоминания очевидца и, надо думать, вызвана необходимостью объяснить, почему его не было в столь ответственный момент среди членов ближней думы

⁷⁵ А. А. Зимин Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 62

⁷⁶ В 1562 г. он был насильственно пострижен в монахи (А. А. Зимин Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 68). Ненависть к нему Грозного значит, возникла позднее 1553 г. ибо в этой приписке его роль весьма ничтожна, — еще одна подробность свидетельствующая в пользу достоверности приписки о событиях во время болезни царя

⁷⁷ А. А. Зимин Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 68

⁷⁸ П. А. Садиков Очерки по истории опричнины М—Л, 1950, стр. 285—287. П. А. Садиков думал, что считать Н. А. Фуникова в 50-е годы казначеем было бы ошибкой и что он был тогда печатником. Но А. А. Зимин, базируясь на своей первоклассной документации по первоисточникам, показал, что «с января 1549 года до 1561 года Фуников выполнял обязанности печатника, которые иногда сочетались в 1550-х годах у него с обязанностями казначея» (А. А. Зимин О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в., стр. 195)

⁷⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 52. О гонениях на Н. А. Фуникова в других источниках ничего не сообщается [там же, Комментарий (Я. С. Лурье), стр. 606]

Когда на следующее утро, т. е. 12 марта, Грозный приказал собрать «бояр своих всех», т. е. всю Боярскую думу, и «почал им говорити, чтобы они целовали крест к сыну его ко князю Дмитрию, а целовали б в Передней избе, понеже государь изнемогаша вельми и ему при себе их приводити к целованию истомно», обстановка усложнилась.

Князь Иван Михайлович Шуйский⁸⁰ сделал формальное возражение: «Им не перед государем целовати не мочно, перед кем им целовати, коли государя тут нет?». Окольничий Федор Григорьевич Адашев,⁸¹ отец временщика, ссылаясь на опыт боярского правления в ранние годы царствования Грозного, высказал мнение, что за Дмитрия, который «еще в пеленицах», будут править его ближайшие родственники Захарьины, а бояре служить им не собираются. Возникло всеобщее волнение: «Мятеж велик и шум и речи многие во всех боярах». «И бысть меж бояр брань велика и крик и шум велик и слова многие бранные», так как ближние думцы и часть бояр, солидарная с ними, начали убеждать нежелающих присягать. Тогда Грозный, указывая, что «я с вами много говорить не могу» из-за болезни, сделал три обращения: первое — к отказывающимся присягать, упрекая их в том, что они забыли прежние свои клятвы: «... а целовали есте мне крест и ниоднова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали»; второе — к присягнувшим: в случае царской смерти «пожалуйте, попомнятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали: не дайте бояром сына моего извести никоторыми обычаи, пробежити с ним в чужую землю, где бог наставит; третье обращение было к Захарьиным, которые, по-видимому, заколебались, слыша столь резкие речи и откровенные угрозы по своему адресу; Грозный сказал: «А вы, Захарьины, чего испужались, али, чаєте, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете. И вы бы за сына за моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали».

Вся эта речь обнаруживает ту же тенденцию, которая буквально пронизывает всю вставку под 1553 г.: безусловную преданность наследнику Грозного и воле царя проявляет только часть ближней думы. Во главе верной части стоят боярин князь Владимир Иванович Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый. Не случайно оба они изображены на рисунке в Царственной книге.⁸²

Как удачно и точно сформулировал И. И. Смирнов, Висковатый «с самого начала до конца мартовского мятежа не только остается на позициях сторонника царя и его наследника, но выполняет ответственную роль исполнителя и проводника в жизнь всех мероприятий, связанных с утверждением династических прав царевича Дмитрия».⁸³ Это он «воспомянул царю о духовной». Он немедленно присягнул Дмитрию в составе ближней думы. Это его «со крестом» послал Грозный вместе с Воротынским и «иными своими боярами» (из ближней думы) в «переднюю избу», куда

⁸⁰ Выбыл из Боярской думы в 1560 г. (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 69). По-видимому, «всех бояр» в Думе было, считая и окольничих, в то время около 40, но неизвестно, сколько их 12 марта присутствовало во дворце (там же, стр. 65—66; см. также: А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 412—413).

⁸¹ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60—61, прим. 230. С. В. Бахрушин (Избранная рада Ивана Грозного, стр. 349—350) хорошо подметил особый характер выступления Ф. Г. Адашева. Это был голос здравого смысла — голос «широких кругов дворянства».

⁸² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, последняя таблица с текстом под рисунком: «И бояре почали князю Володимеру Андреевичу говорити, чтобы не упрямаивался... А говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов».

⁸³ И. И. Смирнов, стр. 270.

после «жестокоего слова» больного царя пошли «бояре все», «поуstraшенные», «крест целовати». «И бояре пошли целовати, а у креста стоял» Воротынский «да дьяк Иван Михайлов крест держал». Не удивительно, что Висковатый слышал и запомнил перебранку князя И. И. Пронского-Турунтая⁸⁴ с Воротынским, в результате которой «князь Иван Пронской исторопяся крест целовал».

Когда бояре закончили целование, «государь велел написати запись целовальную, на чем приводити к целованию князя Володимера Андреевича». Однако вызванный к царю «последний удельный Рюрикава дома» не захотел «на записи крест целовати». Грозный обратился к боярам: «Аз не могу, а мне не до того; а вы на чем мне и сыну моему Дмитрию крест целовали, и вы по тому делайте». Бояре начали уговаривать Старицкого, «а говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов». Речь Воротынского при этом изложена, в ней Воротынский делает два важных заявления: «тебе служить не хочю», «драться с тобою готов», если государи прикажут. Затем «инии бояре» угрожали Старицкому: если «не учнет князь целовати, ему оттудова не выйти». Итак, Владимир Андреевич «целовал крест поневоле»; понятно, что эта деталь никогда не появилась в письмах Грозного, хотя он дважды возвращался в них к вопросу о возможности воцарения Старицкого.

После принуждения Владимира Андреевича, который все еще оставался в царском дворце, «посылал государь ко княгине з грамотою с целовальною, чтоб велела к той грамоте печать княжюю привесить, боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого да дикаа своего Ивана Михайлова». Им пришлось трижды посетить Ефросинию, прежде чем она велела привесить княжескую печать, говоря: «что то де за целование, коли невольное», и «много речей и брани говорила».

Едва ли было бы преувеличением сказать, что дьяк Висковатый является своего рода героем приписки, семь раз появляясь в самых важных местах текста и неизменно выполняя все, на него возложенное, служа Ивану IV и его наследнику верой и правдой.⁸⁵ Создается также впечатление, что никто лучше Висковатого не мог знать всех тех подробностей «мятежа», которые выше изложены. Грозный был — в согласии с его письмами — тяжело болен: к утру 11 марта «мало и людей знаеше», утром 12 марта «государь изнемогаши вельми», при себе «приводити к целованию истомно», — тем не менее он делает огромное усилие и произносит «жестокое слово», испугавшее оппозиционеров; зато к вечеру 12 марта царь совершенно измучен, уговаривать князя Владимира ему не по силам: «Аз не могу, а мне не до того»; вероятно, этим крайне болезненным состоянием и было обусловлено смелое упорство Владимира Старицкого в отказе «на записи крест целовати». Можно думать, что правдивость приписки о таком состоянии Грозного отвечала действительности; Синодальный список тоже подчеркивает серьезность болезни Ивана Васильевича: «... посети немощь православного нашего царя, прииде огнь велий, сиречь огневая болезнь».⁸⁶

⁸⁴ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 59, 74.

⁸⁵ Кстати, Д. Н. Альшиц сам назвал Висковатого «героем отпора, данного бунтовщикам», однако отвел его кандидатуру как автора приписки (Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 286—287).

⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 231. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» также подтверждает факт опасной болезни царя: «...разболелся zelo тязким огненным недугом так, иже никтоже уже ему жити надеялся» (Н. Устрялов о сказании князя Курбского, стр. 34). Однако Курбский, может быть с умыслом, относит болезнь к несколько более раннему времени. Интересно, что, как отмечает Устрялов (там же, стр. 302), Екатерина II, имевшая так называемый Эрмитажный список «Исто

Если это так, драматические подробности событий 11 и 12 марта, в особенности в «передней избе», речи бояр и Ефросинии могли стать известны царю лишь в передаче. В приписке выделено, что позднее дополнительно услышал царь: «А после того государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров,⁸⁷ что говорили с ним бояре, а креста целовать не хотели, — князь Петр Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской:⁸⁸ „Ведь же нами владеть Захарьиным, и чем нами владеть Захарьиным, а нам служити государю младу, и мы учнем служити старому князю Володимеру Андреевичу“»; «... да государю же сказывал околничей Лев Андреевич Салтыков,⁸⁹ што говорил ему, едучи на площади, боярин князь Дмитрий Иванович Немой:⁹⁰ „Бог то де знает, нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали; а как де служити малому, мимо старого, а ведь де нами владети Захарьиным“». Создается впечатление, что автор приписок как бы отделяет то, что говорилось государю позднее (вероятно, эти сообщения-доносы были записаны), и то, что видел сам автор. Несомненное обобщение конца приписки: «и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почали быти во всем скудость» — единственное место приписки, которое обнаруживает, что она делалась много позднее событий 1553 г. и делалась в перспективе несчастной судьбы Старицких, причем автор скорбит о царстве, а не об оскорблении царского самодержавия или о «ненависти зельной» к Анастасии Романовне.⁹¹ Таким образом, содержание приписки позволяет думать, что она сделана не с точки зрения царя после 1564 г., а с позиции современника, верно служившего царю, но остававшемуся на почве действительных событий, которых он был свидетелем.

Нет никакого сомнения, что споры о крестоцеловании «пеленочнику» Дмитрию продолжались только два дня: 11 и 12 марта.⁹² Именно к этому времени положение больного настолько ухудшилось, что во дворец собрались члены ближней думы, чтобы получить указание Грозного о дальнейших действиях. В качестве временщика присутствовал также Сильвестр. Был ли здесь царский духовник, протопоп Благовещенского собора Андрей, неизвестно; вероятно, он, как и царица Анастасия и царедворцы, не упоминается в приписке, потому что она касается исключительно политических событий, разыгравшихся в Боярской думе. Непонятно, почему не упомянут митрополит Макарий. Или он был в отъезде из Москвы, что правдоподобно, так как под крестоцеловальной записью, экстренно и с большими затруднениями взятой с Владимира Старицкого вечером 12 марта, нет подписи Макария.⁹³ Или же автор сознательно промолчал о его позиции в боярском расколе, что едва ли возможно. Никак нельзя, однако, принять версию, будто бы имя Макария было нарочно не названо

при Курбского, сделала приписку, что Грозный сыну «отказал (завещал, — Н А) царство, под управлением матери и шурьях», но бояре хотели, чтобы «царство поручал брату родному, князю Юрий», «который был без ума, без памяти и без словесен», и «сказано, что колено князя Владимира Андреевича возвести хотели» Екатерина ссылалась на «Казанский» и «Иной летописец»

⁸⁷ Казнен в 1568 г (А А Зимин Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр 74)

⁸⁸ А. А Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 66, прим. 286.

⁸⁹ Там же, стр 66, прим 291

⁹⁰ Там же, стр. 64, прим 269.

⁹¹ Послания Ивана Грозного, стр 100 Нет, кстати говоря, необходимости понимать слово «скудость» в экономическом смысле, как это делает И И Смирнов (стр 277) здесь автор приписки имеет в виду исчезновение у правящей верхушки психологического и политического единства, вредное для государства

⁹² И И Смирнов, стр 264, прим 1

⁹³ СГГД, т I М, 1813, № 167, стр 460—461

автором приписки «в рассказе о составлении духовной Ивана IV»⁹⁴ В приписке указано совершенно точно: «Царя же и великого князя дьяк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной Государь же повеле духовную совершити; всегда бо бяше у государя сие готово (разрядка наша, — Н. А.)», — замечательная подробность, свидетельствующая о знании состояния государственных документов в государственной канцелярии. Весь же «рассказ о составлении духовной» заключается, кроме приведенного текста, еще только в одной фразе. «Совершивше же духовную, начаша . . .». Вероятно, все это «совершение духовной» 11 марта состояло в подписании государем или в оглашении, очевидно, в присутствии ближней думы ранее подготовленного текста, который теперь стал руководящим государственным документом ввиду возможности смертельного исхода болезни царя, ибо «бысть болезнь его тяжка зело, мало и людеи знаише, и тако бяше болен, яко многим чаяти, к концу приближися» Иными словами, в этом начальном эпизоде, рассказанном припиской, обнаружены ум и опытность в государственных делах инициатора подписания духовной дьяка И. М. Висковатого

Надо думать, что текст духовной был составлен значительно раньше, возможно вскоре после женитьбы царя на Анастасии Романовне Захарьичной, если допустить аналогию, например, с составлением завещания 1572 г.,⁹⁵ месяца через два после женитьбы Грозного на Анне Колтовской, когда царь внес в духовную указания на все возможные случаи.⁹⁶

Представляется вероятным, что новая духовная царя должна была бы быть написана лишь после нового брака царя, т. е., возможно, после женитьбы Грозного 21 августа 1561 г. на дочери Темрюка Аидаровича, князя Кабардинского, но есть мнение, что духовная 1572 г. основывалась на духовной 1553 г.,⁹⁷ т. е. на том тексте, который был подписан (или оглашен) 11 марта, согласно тексту приписки. Крестоцеловальная запись, конечно, определяла не вопросы наследования и наследства, а конкретное поведение того, с кого она бралась в определенной политической обстановке. Писать при этом каждый раз предварительно новые духовные грамоты едва ли было необходимо. В вопросе о том, что наличие крестоцеловальной записи от марта 1553 г. подтверждает правильность сведений приписки о сомнительном поведении князя Владимира, а следовательно, косвенно и факт боярских споров 11—12 марта, И. И. Смирнов прав, а Д. Н. Альшиц просто логически обречен на защиту шевярых положений.⁹⁸ Согласен с мнением И. И. Смирнова и А. А. Зимин, который подкрепляет его утверждения, выдвигая интересную и плодотворную мысль, что статья «О суде с удельными князи» в Судебнике 1550 г., как заметил Л. В. Черепнин, приписана после событий 1553—1554 гг.,⁹⁹ т. е. что эта деталь оказывается опять-таки косвенным подтверждением факта боярской склоки у постели больного Ивана IV из-за наследника трона

Иными словами, предыдущий разбор приписки под 1553 г. в Царственной книге приводит к заключению, что приписка вовсе не повторяет идеи Грозного в первом письме к Курбскому (от 5 июля 1564 г.), а в ряде подробностей прямо противоречит им, так что гипотеза о написании ее самим царем совершенно неосновательна. В то же время бросается в глаза

⁹⁴ И. И. Смирнов, стр. 275—277

⁹⁵ ДАИ, т. I СПб, 1846, № 222

⁹⁶ С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 111

⁹⁷ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 410

⁹⁸ Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи, стр. 147 и сл., И. И. Смирнов, стр. 278—283

⁹⁹ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 415—417

во всем описываемом эпизоде систематическое подчеркивание роли дьяка И. М. Висковатого. Есть ли какое-либо более конкретное указание в тексте приписки на возможность считать его автором? Представляется более чем правдоподобным, что такое указание находится в знаменитой характеристике Сильвестра.

Весь текст приписки под 1553 г. (как и все другие дополнения и исправления — около сотни — в лицевых сводах Грозного) написан в деловом тоне: события, имена, конкретные детали, отсутствие в стиле элементов типичного для царя «скрещивания книжного и обиходного средств языка».¹⁰⁰ В приписке 1553 г. «языковая ткань» как бы состоит из трех частей. В начале приписки общая часть, сходная по характеру с общим тоном, принятым в официальных летописях при описании русских побед: упоминание «скверного жилища» Казани и даже, мимоходом, Астрахани трафаретно и, видимо, поставлено для того, чтобы связать приписку с предыдущими описаниями казанской победы. Вторая часть — изложение действительных событий предмета приписки, где комбинируется сжатый стиль делового описания и прямая речь, на которой более всего заметно, что писал очевидец и как бы третье лицо, некий наблюдатель: не царь и не кто-то из тех, чьи речи при их выступлениях записаны Третья, небольшая часть, «вклинивающаяся в рассказ о присяге», как отметил С. В. Бахрушин, есть именно характеристика Сильвестра, обнаруживающая эмоциональную взволнованность автора, его нелюбовь к Сильвестру, который изображен в этой части приписки как всесильный временщик, диктующий свою волю всем в Москве. Приведем текст полностью: «В та же времена бысть у Благовещения, у церкви, еже на сенех у царьского двора, некий священник, зовомый Селивестр, родом ноугородец. Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и совете в духовном и думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеяше ни в чем же противитися ему, ради царского жалования; указываше бо и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом, и чернцем, и попом, и бояром и диаком, и приказным людям и воеводам, и детем боярским, и всяким людям. И, спроста реши, всякия дела и власти святительския и царския правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению; и всеми владаше обема властьюми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель, точию имяни и образа и седалища не имяше святительского и царского, но поповское имяше; но токмо чтим добре всеми и владеяше всем с своими советники. Бысть же сей Селивестр советен и в велицей любви бысть у князя Владимира Ондреевича и у матери его княгини Ефросийнии; его бо промыслом и из нятства выпущены».

Заметим, что, за исключением конца данного текста, который, как выше уже говорилось, несколько преувеличил роль Сильвестра в освобождении Старицких в 1540 г., весь он — в противовес остальному содержанию приписки под 1553 г. — не конкретен: это широкое эмоциональное обобщение о деятельности Сильвестра в Москве. Более того, вся история, рассказанная перед этой характеристикой и после нее, как бы противоречит мысли о «всесильности» Сильвестра. Мы не знаем, как он реагировал на «жестокое слово» царя, но видим, что его сочувствие кандидатуре Старицкого наследники Ивана IV решительно не помогло князю Владимиру. Поскольку, как было выше показано, основные положения всей приписки не соответствуют взглядам Грозного, естественно думать, что и характеристику Сильвестра писал кто-то другой, имевший основания крайне не любить

¹⁰⁰ С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного — ТОДРЛ, т. XIV М.—Л., 1958, стр. 256

временщика. Интересно заметить, что историки знают на основании современных событиям памятников, что человеком, особенно недолюбливавшим «некоего священника у Благовещения», был как раз Висковатый.¹⁰¹

Но Висковатый не столько не любил Сильвестра (у нас нет об этом данных), сколько он был его идейным противником. Надо вспомнить, что Висковатый являлся ярким, смелым и умным представителем той новой социальной группы в сложном организме Московского государства, которая — по раздосадованным замечаниям Курбского — избиралась царем «не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства». Эта группа — московская бюрократия, «писари русские», которым царь «зело верит» и иногда из них «творит вельмож своих».¹⁰² Еще резче характеризует их роль убежавший в Литву Тимофей Тетерин в послании М. Я. Морозову: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».¹⁰³

Висковатый, кажется, татарского происхождения, едва ли мог быть «из поповичей», но землей он владел, получая ее за свою неустанную и ценную «государскую» службу.¹⁰⁴ Своим выдвижением в главы Посольского приказа и на дальнейшие посты он был обязан своими блестящими дарованиями, устремленными к главной цели служения государству. Грозный умел ценить таланты: немудрено, что отлично знавшие московскую верхушку ливонские авантюристы Таубе и Крузе имели все основания считать, что Иван IV «любил главного канцлера Ивана Висковатого, как самого себя».¹⁰⁵ К тому же, Висковатый по своим взглядам был типичный человек своего времени с цельным религиозным мировоззрением и большой политической консервативностью. Висковатый был начитан в церковной литературе, зная не только элементарную «обиходную» премудрость, но и деяния вселенских соборов, и сочинения отцов церкви, и «Синодик на неделю православия», на который он весьма раз ссылался во время своих богословско-иконописных споров и который — интересно отметить — был также в библиотеке Грозного.¹⁰⁶

¹⁰¹ См., например: С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 338; А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в., стр. 195—196. Одним из первых этот момент личной вражды Висковатого в отношении Сильвестра отметил Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 845): «Образ поведения Висковатого весьма дает подозревать, что он находился с Сильвестром во вражде и хотел навлечь на любимца государева беду» (Писавшие еще раньше Е. Е. Голубинского Д. П. Голохвастов и архимандрит Леонид (Благовещенский) перья Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, М., 1874, кн. 1, стр. 24) считали выступление Висковатого «изветом» на Сильвестра и на второго благовещенского священника Симеона, прикрытым «ревностью к вере». Однако работа Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонида рисует идеализированный образ Сильвестра и весьма мало критична как раз по интересующему нас пункту.

¹⁰² Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 43.

¹⁰³ Послания Ивана Грозного, стр. 537.

¹⁰⁴ У него были вотчины в Переяславском уезде, одно поместье в Коломенском (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 258, примечание). В вотчине (сельцо Храбтово со многими деревнями) были «боярские» дом и сады (П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины, стр. 152—153).

¹⁰⁵ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, стр. 51.

¹⁰⁶ Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого. — Seminarium Kondakovianum, V. Praha, 1932, стр. 220, прим. 161. Основная часть «Синодика на неделю православия» выражает «торжество православия» над иконоборчеством. Отсюда понятно, почему на этот Синодик особенно упорно ссылался Висковатый: он как бы усматривал в новых неканонических, по его мнению, сюжетах икон, создававшихся «у Благовещенья» под руководством Сильвестра, некую новую форму упразднения икон. По-видимому, поль-

Висковатый принимал теорию «Москва — третий Рим», судя по тому, что в его записке в споре об иконах находим, например, такую фразу: «...зрим око православия, соборную церковь Богородичную Московскую»; это заявление полностью совпадает с его общим представлением о том, каким должно быть религиозное искусство православного Российского царства.¹⁰⁷ Политическое мировоззрение Ивана Михайловича с полной ясностью выразилось во фразе о престоле и жертвеннике Благовещенского собора, где был священником Сильвестр, руководивший после пожара Москвы в 1547 г. восстановительными работами в кремлевских церквях: «...и о том велми ужасаюся, яко меншая з болшим уровняют, и было б в равенство, на одно бы все свършилис». ¹⁰⁸ Внимательный взгляд Висковатого, по-видимому страстного любителя и знатока иконного искусства, подметил ряд новшеств в композициях икон, приготавливаемых новгородскими и псковскими мастерами «у Благовещенья» под руководством «некоего священника», а также и в аллегорической росписи в Золотой палате царского дворца. Умный и осторожный в дипломатических делах дьяк, по-видимому заподозривший Сильвестра в сознательном отступлении от канонов православного церковного искусства, начал в 1550 г. «вопить на народе» против этих нововведений,¹⁰⁹ т. е. начал критиковать «мудрования» или латинские подробности в новых иконных композициях, созданных псковичами под руководством новгородца Сильвестра.¹¹⁰ Можно думать, что эта критика делалась время от времени («три года») при осмотре новых произведений иконописи, но Висковатый еще не систематизировал своих «сомнений» об этих иконописных работах, действительно вносивших ряд новых черт в искусство «стольного града», как отмечает анализ искусствоведов и историков культуры.¹¹¹

Но недаром Висковатый слыл умнейшим дипломатом.¹¹² Он переменял свою тактику именно после царской болезни 1553 г. 25 октября 1553 г. Висковатый заявил в присутствии царя о своих сомнениях митрополиту Макарию.¹¹³ Последний сразу же ответил дьяку с большой резкостью и прямой угрозой: «Стал еси на еретики, и ныне говоришь-де и мудръствуешь о святых иконах не гораздо. То мудрование и ересь галат-

зовался Висковатый одним из переводов греческого синодика, сделанным в XIV в «Синодик на неделю православия» издан и комментирован Ф. И. Успенским (Записки имп. Новороссийского университета, т. 59 Одесса, 1893).

¹⁰⁷ Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 191—242.

¹⁰⁸ Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 — ЧОИДР, кн. II. М., 1858 (далее: Розыск...), стр. 8.

¹⁰⁹ Деталь 1550 г. выясняется из текста епитемии, наложенной на Висковатого (Розыск..., стр. 38).

¹¹⁰ Розыск..., стр. 20.

¹¹¹ Л. А. Мацулевич. Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском. — Ежегодник Российского института истории искусств, т. 1, вып. II СПб., М., 1922, стр. 266; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 288—290, Н. Е. в. а. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 580—582. См. также: J. Myslivec. Liturgické hupny jako náměty ruských ikon — Byzantinoslavica, t. III, № 2. Praha, (1931) 1932, стр. 496 и сл.; П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. II, ч. 2 (Юбилейное издание). Париж, 1931, стр. 499—501; N. Andreyev. Aus der Geschichte der russischen Ikonmalerei. — Blick in die Wissenschaft, t. 7. Berlin, 1948, стр. 323—330; Н. Е. Андреев. Иоанн Грозный и иконопись XVI века. — Annales de l'Institut Kondakov, t. X. Prague, 1938, стр. 185—200 (Mélanges A. A. Vasilev).

¹¹² Отзыв ливонского хрониста Балтазара Рюсова в Ливонской хронике 1584 года. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. III. Рига, 1886, стр. 186. Ср.: Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М., 1922, стр. 46, 75.

¹¹³ Розыск..., стр. 2. См. также: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 174.

ских еретиков. Не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков». ¹¹⁴

По-видимому, Макарий, который, как выше указывалось, был весьма задет вмешательством, к тому же очень острым, светского лица в область компетенции духовных лиц (самого Макария и формально подчиненного ему Сильвестра), пытался запугать Висковатого и создать впечатление у него и, главное, у царя, присутствовавшего при заявлении дьяка, о «сомнениях», о «еретичности» мыслей начитанного в церковных вопросах дипломата. Интересно отметить, что упомянутая митрополитом «ересь галатских еретиков», по всей вероятности, вовсе не существовала. ¹¹⁵

Висковатый не только не смутился от недвусмысленной угрозы главы русской церкви, но, после того «спустя, месяца ноября», ¹¹⁶ подал ему свою записку: «принес списка своея руки о мудровании и о своем мнении о святых иконах» и «бил челом митрополиту», чтобы тот «со всем священным сбором» обсудил его мнение. ¹¹⁷ Митрополит «списка» Висковатого принял и послал его царю с запросом, «как о том ему благочестивый царь повелит». ¹¹⁸ Грозный «повелел» записку Висковатого обсудить на церковном соборе и о результатах обсуждения доложить себе.

Решение собора оказалось не в пользу Висковатого. Дьяк «каялся и прощался» (т. е. просил прощения) «у митрополита и у всего священного собора». ¹¹⁹ Висковатого не отлучили от церкви, как иногда ошибочно пишут историки, вслед за О. М. Бодянским, ¹²⁰ но только угрожали отлучением, если «учнешь паки зле мудрствовати или разврацати народ по прежнему своему сумнению, забыв страх божий и свое покаяние»; ¹²¹ на него наложили епитимью. ¹²²

¹¹⁴ Розыск... , стр. 1—2 Макарий, под влиянием которого, несомненно, развивались церковные представления Грозного в годы его юности, очевидно, неплохо понимал характер Ивана IV и также знал, что глава Посольского приказа находится под особым кровительством царя (иначе нельзя объяснить бездействие митрополита в отношении Висковатого, уже три года «вопившего на народ»). Поэтому Макарий немедленно атаковал взгляды дьяка, тем самым подрывая его позицию как критика новшества в глазах царя, всегда считавшегося с мнением главы русской церкви, во всяком случае в области церковных вопросов.

¹¹⁵ Автор настоящей работы, в свое время изучавший вопрос «О деле дьяка Висковатого» в рамках своей докторской диссертации, касавшейся противолатинской полемики в древней Руси, не смог найти об этой ереси никаких сведений. Запрошенные специалисты по истории церкви или не могли дать ответа из-за отсутствия данных, или, как С. С. Безобразов, пытались построить гипотезу, что Макарий имел в виду тех «галатских лжеучителей», с которыми боролся апостол Павел в своем послании к галатам: сказать «галатские еретики» значило бы изболочить в иудейском духе. Но если бы Макарий действительно хотел бросить тень на Висковатого именно в этом направлении, вероятно, он назвал бы его просто «жидовствующим». Скорее прав Г. А. Острогорский, считавший, что, может быть, и не следует доискиваться определенного смысла в этом обвинении Макарием Висковатого. Не беда, если указанной ереси вовсе никогда не существовало, — ссылка на нее выполняла другую функцию, переводя Висковатого из обвинителей в обвиняемые. Ср.: Н. Е. Андреев О деле дьяка Висковатого, стр. 223—224, прим. 188.

¹¹⁶ Розыск... , стр. 2.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, стр. 3.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Розыск... , стр. 1. Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 843, примечание) правильно отмечал, что не видно из текста «дела», когда могло быть произведено отлучение Висковатого. См. также: Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 195—196.

¹²¹ Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного. — ЧОИДР, кн. III. М., 1847, стр. 17. Здесь также О. М. Бодянским, как и в ЧОИДР 1858 г., опубликована часть «дела Висковатого».

¹²² Там же, стр. 15.

Все изложенные обстоятельства необычайно — по тем временам — мистифического обращения церковной власти с Висковатым объясняются тем, что царь явно благоволил к своему выдающемуся «ближнему человеку». В этом особом покровительстве Висковатому мы находим косвенное подтверждение, что события у постели больного царя в марте 1553 г., когда дьяк Иван Михайлов проявил себя как преданнейший думец, действительно имели место. Но, кроме того, сам дьяк в своей записке об иконах ведет прямую атаку на временщика Сильвестра, пытаясь связать его имя с наводившимися под следствием «еретиками» — Матвеем Башкиным и бывшим троицким игуменом Артемием.¹²³

Эту политическую подоплеку выступления Висковатого отчетливо поняли и Макарий, с самого начала угрожавший дьяку званием «еретика», а затем доискивавшийся, кто его советники, и Сильвестр с Симеоном, священники Благовещенского собора. Последние немедленно подали «жалобницы» на хитроумного дипломата, выдвинувшего против них столь опасное обвинение, как связь с «еретиками». При этом из «жалобниц» ясно видно, что Сильвестр был по-настоящему взволнован, защищался более страстно и писал пространнее и подробнее, чем Симеон.¹²⁴

Беспокойство Сильвестра нельзя объяснить только косвенным обвинением его в недосмотре над псковскими и новгородскими иконописцами. Сильвестр знал, что Макарий с первого момента резко оспаривал Висковатого и обвинил его самого в «галатской ереси». Значит, временщику не угрожала опасность со стороны высшей церковной власти, которая — в лице Макария — немедленно приняла сторону Сильвестра. Но последний явно встревожен, и, как выше показано, его защита построена на мотиве что обо всем знал сам царь и что в сущности Сильвестр только слепо исполнял царскую волю. Такой — весьма умный — тон «жалобницы» заранее исключал возможность осуждения действий Сильвестра. Критика Сильвестра была бы критикой решений Грозного. Быстрое «покаяние» Висковатого свидетельствовало, что он тоже немедленно разобрался в положении вопроса на соборе.¹²⁵

¹²³ Розыск стр. 10. О Матвее Башкине и Артемии см. ценные главы «Вольнодумец Матвей Башкин и его единомышленники» и «Дело старца Артемия» в исследовании А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники». Думается только, что удар Висковатого имел главной целью именно Сильвестра, а не «троицу». Артемия, Сильвестра и Симеона (там же стр. 174). Именно Сильвестр отвечал за новые иконы. Хотя Висковатый и с Башкиным своим «земляком», «брань воздвиг, слыша от него нов хуления глагол на непорочную нашу веру христианскую» (Розыск, стр. 9—12) главным предметом его критики был новгородец Сильвестр, который руководил иконописцами Ср. Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 203—204. Попутно надо сказать, что нельзя принять теорию И. И. Смирнова (стр. 270 и сл.), что Висковатый был тесно связан с Захарьиными. Во время своего «дела» он назвал племянника царицы, Василия Михайловича Юрьева, которого вызывали на собор, и тот должен был дать разъяснения (Розыск, стр. 15—16) по поводу неверного текста правил VII вселенского собора в книге, ему принадлежавшей.

¹²⁴ Московские соборы на еретиков XVI века, стр. 21—23.

¹²⁵ Розыск стр. 40. Насыен момент подачи «жалобниц», которые как бы «приложены» к «делу о богохульных строках» Висковатого. По смыслу вещей их следовало бы чинить вслед за ответом митрополита. В основе «дела», конечно, лежат документы, но соединены они в одно целое позднее, вероятно, каким-то митрополитичьим дьяком или писцом, который, как часто бывало в те времена, кое-что напугал об этом свидетельствует неподтверждающаяся материалом справка в начале «дела», что Висковатый был отлучен от церкви и «пребыл в том соборном отлучении две седмицы» (Розыск, стр. 1). Напротив, Макарий подчеркнул «Еретиком есмь тебя не называли» (Московские соборы на еретиков XVI века стр. 9). А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники стр. 179) напрасно приписывает мне мнение, мною никогда не высказанное, будто бы я считаю «розыск» «позднейшей хаотичной сводкой, выполненной каким-то частным лицом». См. анализ состава «дела» во второй главе моей работы «О деле дьяка Висковатого» (стр. 194—199).

Висковатый явно надеялся, что после событий марта 1553 г мнение царя о Сильвестре изменилось. Но он не рассчитал силы и степени спаянности пресвитерской части Избранной рады, в которой Сильвестр, по выражению Курбского, присовокупил «себе в помощь архиерея оного великого града и к тому всех предобрых и преподобных мужей, презвитерством почтенных». ¹²⁶ «Архиерей оного великого града» немедленно превратил Висковатого из обвинителя в обвиняемого и поселил сомнения в царя в справедливости суждений дьяка об иконах. Грозный переслал записку своего ученого дьяка на суд Макария и «мужей, презвитерством почтенных», которые и наложили на «ближнего верного думца» оскорбительную и унижительную по тем временам епитимью, надолго создавшую ему репутацию человека, шаткого в делах веры. Можно ли после этого удивиться характеристике Сильвестра, данной в приписке под 1553 г.

Много лет спустя умнейший дипломат Грозного, делая эту приписку и вспоминая события 11—12 марта, написал ядовитую характеристику своего идейного противника. Поэтому настоящим эхом этого неудачного для Висковатого эпизода его борьбы с временщиком, некоей иронической горестью к самому себе звучит эта характеристика: «некий Селивестр, родом ноугородец», который у царя был «в великом жаловании» и «в совете духовном и думном»; был «яко всемогий» и «никто же не смеяше противитися ему ради царского жалования» (даже и сам Висковатый «покаялся»); «спроста рещи, всякия дела и власти святительские и црѣския правяше, и никтоже смеяше ничтоже сътворити не по его велению» Он указывал «и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом», т. е. «Освященному собору», и всем прочим категориям «государевых людей», также и «дияком», т. е. самому Висковатому; и «владеяше обема властми, и святителскими и царскими, якоже царь и святитель», — здесь кульминация горечи Висковатого: царь не решил вопроса сам, но отдал на суд друзей Сильвестра. Кончается приписка ироническим заключением «но токмо чтим добре всеми и владеяше всем со своими советники» После этого «лирического плача» по поводу своего идейного поражения в борьбе с Сильвестром Висковатый обратился вновь к событиям 11—12 марта, характеризуя отношения Сильвестра и Старицких

Можно сделать предположение, что в ящике 189 Царского архива лежало официальное «дело» Висковатого: «А в нем дела соборные подлинны, в листех, за митрополичьею рукою, 62-го и 63-го, Матфея Башкина и Артема, бывшего троецкого игумена, и иных». ¹²⁷ Между этими «иными» должно было лежать подлинное «дело» 1554 г. «список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062». Висковатый, ведавший Царским архивом, хорошо помнил это «дело», но в «опись» имя свое не включил.

На служебной карьере Висковатого проигрыш «дела» никак не отозвался ¹²⁸ Но делая позднее, по царскому желанию, дополнения к Синодальному списку и Царственной книге, дьяк Иван Михайлов признал тогдашнее свое поражение, с горечью осмеяв «всесильного» Сильвестра, не погрешив, однако, в остальном изложении против фактического развертывания событий при крестоцеловании наследнику Грозного.

¹²⁶ РИБ, т XXXI, стр 171

¹²⁷ С О Шмидт Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года М, 1960, стр 37

¹²⁸ N. Andreyev, *Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles*, стр 102—103, И И Смирнов стр 260

Надлежит обратить внимание еще на один факт, как-то отстраненный при создании и обосновании гипотезы об авторстве царя. Вопреки заявлениям Д. Н. Альшица об отсутствии «хотя бы намека»¹²⁹ в каких-либо источниках на события, изложенные в приписке под 1553 г., такой «намеки» имеется как раз в том отрывке Никоновской летописи, который сам Д. Н. Альшиц приводит в той же своей статье. Неизвестный автор этой части летописного рассказа пишет: «И то прииде грех ради наших и за превозношение наше: бог милосердие свое показал над Казанию, и в нас явились гордые слова, а не благодарные, и учали особ мудры быть, забыв евангельское слово: хто хочет в мире сем мудр быти, буй да будет. За многое за наше неблагодарение и в то время прииде грех ради наших, посети немощь православного нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь; и збытсья на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца. Он, государь, добрый пастырь, егде возмог, тогда у бога милости просил и нас добре хранил и благорассудным его утверждением всегда сохранены есмь; и на мало время премолче к богу о нас моления простирати и нас на благо утвержати и вся злая и скорбная пострадала есма. Егда же бог не по нашим грехом своим праведным судом, не хотя грешных смерти, въздвиг от болезни праведного нашего рачителя всея Руси государя, и благочестивая оная душа, приав от бога ослабу телесным своим болезнем, просить ж вкупе и душевных облегчений и на молитву ся к богу простирает, и вся чины и суды и управы земские по бозе строяше и в Казань и в иные области своєю державы со утвержением посылаше, праведных миловать веляше, а злых наказывати з запрещением веляше».¹³⁰

Комментируя этот отрывок, Д. Н. Альшиц заявляет, что это описание царской болезни «не имеет ничего общего с рассказом приписки, заменившей это описание в Царственной книге».¹³¹ Он ошибается. Вся эта цитата из Никоновской летописи есть не что иное, как иносказание действительных событий 11—12 марта, оказавшее, к тому же, некоторое влияние на автора приписки под 1553 г.

В самом деле, центральное место рассказа — это евангельская цитата: «И збытсья на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Данные слова, понятные, конечно, древнерусскому читателю, взяты из Евангелия от Матфея, глава 26, стих 31. Они произнесены Иисусом и обращены к апостолам. «Тогда, — говорит им Иисус, — все вы соблазнитесь о мне в эту ночь, ибо написано (у ветхозаветного пророка Захарии, — Н. А.). поражу пастыря и рассеются овцы стада». Апостол Петр стал уверять Иисуса, что он не соблазнится. Но Иисус ему ответил: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Эта тема отречения «овец»-апостолов от «пастыря» и составляет предмет дальнейшего повествования в 26-й главе Евангелия от Матфея.

Разве приписка, использовавшая этот текст, не посвящена подобной же теме отречения «овец» — бояр от «пастыря» — Ивана IV? Заметим, кстати, что Висковатый внес своеобразную поправку в смысл евангельского рассказа: некоторые ближние думцы (и среди них он сам) остались верны Грозному и царевичу Дмитрию.

Упоминание о Казани в начале этого отрывка из Никоновской летописи заменяется в приписке расширенным апофеозом царской победы над «берсерменами». Туманный намек «и в нас явились гордые, а неблагодарные, и

¹²⁹ Д. Н. Альшиц Происхождение и особенности источников , стр. 274

¹³⁰ ПСРЛ, т XIII, ч 1, стр 230—231

¹³¹ Д. Н. Альшиц Происхождение и особенности источников , стр 275.

учали особ мудры быть» был заменен деловым, но обличающим текстом о боярах, которые вместо «промышления» о казанских делах и «кормлениях» «возжелеша богатства и начаша о кормлениях сидети, а казанские дела поотложиша», тем временем «луговая и арская отложилися и многие беды христианству и крови наведоша». Вместо же оптимистического конца отрывка после подробного изложения всей истории о «разбредшихся овцах» последовал пессимистический вывод Висковатого: «... и оттоле бысть . в боярах смута и мятеж, а царству почала бысть во всем скудость»¹³²

Перед нами действительно любопытнейшее раскрытие автором приписки маловразумительного иносказательного текста, построенного на аналогии с евангельским рассказом. Автор приписки под 1553 г. превратил эту аллегорию в конкретный рассказ о драматических политических событиях

Надлежит также присоединиться к мнению И. И. Смирнова,¹³³ что понимание Д. Н. Альшицем слова «мятеж» в современном смысле, как «бунт», «восстание», связанный с ними «заговор», ошибочно. У И. И. Срезневского можно найти следующие значения «мятежа»: «волнение, смута, ссора, разногласие, беспорядок, шум, смятение, смущение, возбуждение, воображение, явление, раскаяние, буря, град».¹³⁴ В самом тексте приписки слово «мятеж» употреблено, как кажется, именно в смысле, указанном Срезневским, скорее всего как «волнение», «смятение», может быть «брань»: «И бысть мятеж велик и шум и речи многия. . .», несколько ниже . и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик»; в знаменитой финальной фразе, вероятно, «мятеж» употреблен в смысле «разногласие». Если придать термину «мятеж» его историческое значение в указанном смысле, догадки Д. Н. Альшица терпят значительный урон.

В результате разбора приписки под 1553 г. надлежит сделать вывод, что действительно автором ее был Висковатый и что, за исключением характеристики Сильвестра, написанной на «лирическо-иронической» основе горьких личных воспоминаний дьяка, она дает правдивую картину действительных событий смятения и склоки в Боярской думе по вопросу о престолонаследии. Поскольку все прочие приписки сделаны скорописью тем же самым почерком, надлежит думать, что все они также внесены в текст Синодального списка и Царственной книги тем же самым лицом.

III

Необходимо теперь ответить на вопрос, когда могли быть сделаны исправления и дополнения текста. Установление времени интерполяций также разъяснит проблему, почему делались изменения основного текста Никоновской летописи и Царственной книги.

Прежде всего разберемся в содержании приписок, чтобы выяснить возможные хронологические пределы, когда они могли быть сделаны. При этом сначала поведем разбор, как бы еще не зная о том, что автором приписки под 1553 г. является Висковатый.

Как видно из литературы вопроса, приводившейся выше, гипотеза о XVII в. совершенно несостоятельна, даже если считать, что этой «Мо-

¹³² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 526

¹³³ И. И. Смирнов, стр. 484 «термин „мятеж“, который употребляет Царственная книга, говоря о мартовских событиях 1553 года, не подразумевает открытого вооруженного восстания, т. е. „мятежа“ в современном понятии, а скорее означает „волнение“, „смятение“»

¹³⁴ Срезневский, Материалы, т. II, стр. 258—259

сковской энциклопедией XVI века», как иногда именуются лицевые своды Грозного, занялись при Филарете.¹³⁵

Отодвигать дату приписок, как делал С. Б. Веселовский, «на 18—20 лет» после событий 1553—1554 гг. едва ли правильно, ибо, во-первых, че было смысла тогда полунападать на Старицких в приписках, потому что в 1573 г. дочь князя Владимира Андреевича Мария была выдана замуж за герцога Магнуса, а переговоры о браке начались уже в 1570 г.;¹³⁶ во-вторых, царь еще в 1573 г. в послании в Кирилло-Белозерский монастырь продолжал гневаться на Висковатого и под его раздраженным пером дьяк Иван Михайлов из «ревнителя благочестия» превратился в нарушителя церковных обрядов.¹³⁷ Кроме того, роль героя, в которой выступает Висковатый в приписке под 1553 г., находилась бы в вопиющем противоречии с его казнью в 1570 г. Висковатого заменили по службе в основном дьяки братья Щелкаловы, из которых Василий был, несомненно, врагом Висковатого и, возможно, способствовал его падению.¹³⁸ Значит, хронологический рубеж для приписок — это 1570 г., половина июля, когда Висковатый еще был у власти. С этим хронологическим пределом согласен и Д. Н. Альшиц.¹³⁹

Невозможно, с другой стороны, и слишком низко опустить дату вставок, приблизив ее к самим событиям. Представляется более чем вероятным, что после своего выздоровления царь сделал попытку пересмотреть отношения с Владимиром Андреевичем и пошел на включение его в своего рода «регентский совет», что отразилось на новых крестоцеловальных записях, взятых с Владимира Андреевича в 1554 г.¹⁴⁰ Этим объясняется и тот факт, что Иван IV ни на кого не наложил опал после раскола в Боярской думе 11—12 марта и что позиция Владимира Андреевича внешне как бы укрепилась,¹⁴¹ хотя, как видно из крестоцеловальных записей

¹³⁵ А. Е. Пресняков. Заметка о лицевых рукописях, стр. 299 и сл.

¹³⁶ С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 110. Ср.: Д. Цветаев. Мария Владимировна и Магнус Датский. — ЖМНП, ч. 196. СПб., 1878, стр. 57—85.

¹³⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 176.

¹³⁸ N. A. Andreev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 105—106, прим. 43.

¹³⁹ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 186—287. Последний раз Висковатый упомянут как должностное лицо 24 июня 1570 г. в Шведских делах Посольского приказа (Сборник Русского исторического общества, т. 129 СПб., 1910, стр. 190) и 12 июля (С. А. Белокуров. О посольском приказе. — ЧОИДР. М., 1906, кн. 1, стр. 106).

¹⁴⁰ Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи..., стр. 148—149. Д. Н. Альшиц правильно отметил эту подробность, но, связанный предвзятой идеей об авторстве Грозного, не смог воспользоваться этим наблюдением.

¹⁴¹ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 417. Наблюдение С. М. Каштанова, на котором Зимин строит свои важнейшие замечания, замечательным образом совпадает с моими соображениями на эту тему в готовящейся к изданию моей английской книге об «империи Грозного». Есть основания думать, что положение изменилось после 1559 г.: об этом свидетельствует, кажется, еще не отмеченное исчезновение в разрядных книгах наименования Владимира Андреевича «государевым братом». Если до того эти слова иногда опускались при повторении, например в росписи от 2 июля 1557 г. (Древняя российская вивлиофика, XIII, 1790, стр. 252 и 256), то, как будто начиная с разрядов 1560 г. (там же, стр. 328, 329, 335, 356, 379, 383), всюду пишется только «князь». Интересно, что в разряде 1569 г. (чуть ли не в апреле, хотя это не совсем ясно) имя Владимира Андреевича опять появляется: он назначен вместе с боярином и воеводой П. В. Морозовым в Нижний-Новгород, по-видимому, уже незадолго до своей гибели (там же, стр. 397). Во второй половине 60-х годов возникает, как можно предполагать, какая-то новая форма высшего боярского управления, называемая «первосовет». См. интересные наблюдения Е. Ф. Максимова в его работе «Первосоветник Думы боярской» (Записки Русского исторического общества в Праге, т. II, 1930, стр. 141—162).

1554 г., Грозный все же провел ряд «превентивных мер», ослабляющих возможность авантюрных действий со стороны «сына четвертого удельного». Санкции 1563 г. по доносу дьяка Савлука Иванова, приведшие к пострижению Ефросинии Старицкой в монахини 5 августа того же года, закончились для князя Владимира благополучно. Царь «вотчиною своею повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, который же которого чина достоин», а Владимиру дал своих людей.¹⁴² Как известно, царь действовал не самолично, но при участии Макария и «освященного собора», по их просьбе он «отдал свой гнев» на князя Владимира.¹⁴³ В 1564 г. обмен некоторыми землями с Владимиром носил хозяйственный характер, но «мена» территориями в 1566 г. показала, что в условиях опричнины, создавшей новую обстановку и новые источники недовольства правительством, Грозный усиливал строгость «превентивных мер». Можно допустить, что именно тогда, колеблясь между желанием «уничтожить» Старицких и сознанием, что такое уничтожение было бы тактически неправильно в условиях продолжавшейся войны, о чем были приняты решения на Земском соборе 28 июня 1566 г., царь дал указание не именовать в летописях Старицкого «государевым братом».

Основанием для этого допущения служит факт, что Грозный посетил архив 4, 7, 13 и 14 августа и отобрал длинный ряд документов по истории своего рода, в том числе и документы Андрея Старицкого и княгини Ефросинии, т. е. родителей князя Владимира.¹⁴⁴ Видимо, знакомясь тогда по источникам с историей борьбы за верховную власть, Грозный уже в исторической перспективе осознал, что, несмотря на свою «дурость», князь Владимир может быть не только в мечтаниях своей матерью соперником царя. В марте того же года Грозный подорвал политическую силу Владимира, отняв у него Старицкий удел и заменив его Дмитровым. Теперь же, в августе, он начал идеологическое снижение его значения, начав именовать его в истории своего царствования просто «князь Владимир Андреевич», о чем свидетельствует, как заметил А. Е. Пресняков, вся Царственная книга.¹⁴⁵

Тем не менее Владимир Андреевич продолжал находиться «во чти и в урядстве» и еще 6 октября 1567 г. заседал вместе с Грозным в Боярской думе, когда они «приговорили» «с своим бояры позадержати» литовского посланника Юрия Бжовского.¹⁴⁶

Ход событий резко ускорился в ноябре 1567 г., когда во время похода князь Владимир и другой родственник царя, племянник (сын двоюродной

¹⁴² РИБ, т. III. СПб., 1876, стр. 180—182.

¹⁴³ С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 107. А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке, стр. 32.

¹⁴⁴ Царственная книга начата была вероятнее всего после смерти Макария в декабре 1563 г. В ней уснаен «царский элемент» и тем самым ослаблен «митрополичий». Едва ли Грозный пошел на это при жизни Макария, к тому же в рамках «московской энциклопедии», идея создания которой, безусловно, принадлежала митрополиту. Как раз 1563 г. был переломным для идеологии Грозного: от идеи православного царства Иван IV шел к идее «воинствующего кесаря». Отголоском этих антиклерикальных настроений Грозного полно его послание 1564 г. Курбскому. Его главный мотив «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?» (Послания Ивана Грозного, стр. 14). Так воспринимали его эволюцию и современники «Москва—третий Рим» превращалась в «Вавилон», по выражению Курбского в его письме к Васьяну Муромцеву, старцу Псково-Печерского монастыря, незадолго до бегства князя из Юрьева-Ливонского (N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 416—417). Поскольку 1564—1565 гг. были эпохой перехода к опричнине, можно думать, что новый летописный апофеоз царству и царю—Царственная книга—начал слагаться в 1566 г., который был одной из вершин размаха царских действий

¹⁴⁶ С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 22.

сестры Ивана IV), князь И. Ф. Милославский, признались царю, что среди бояр существует антицарское движение и что одни из бояр хотели «выдать» Грозного польскому королю Сигизмунду Августу, а другие «заменить» его Старицким.¹⁴⁷ Можно думать, что душой заговора был боярин И. П. Федоров-Челяднин, доносивший в 1553—1554 гг. царю на князей Ивана Пронского, Петра Щенятева и Семена Ростовского. И. П. Федоров был уже в это время (с 1566 г.) в почетной ссылке — воеводой в Полоцке. Видимо, царь ему уже не доверял.¹⁴⁸ Как раз летом 1567 г. выяснилось, что «сын боярский» И. С. Козлов, незадолго до этого бежавший в Литву, приехал тайно на Русь с «листами» короля и «панов-рады», переманивая на службу королю бывшего своего господина — князя М. И. Воротынского, князя И. Д. Бельского, князя И. Ф. Мстиславского и И. П. Федорова-Челяднина. Козлов был схвачен. От лица названных бояр были посланы язвительные ответы, к которым приложил руку сам царь.¹⁴⁹

Понятно, что на этом фоне признания перетрусивших Старицкого и Мстиславского привели Грозного и в смятение («мятеж!»), и в ярость. Именно тогда, по предположению П. А. Садикова, у царя мелькнула мысль об отъезде за море, в Англию.¹⁵⁰

В ходе следствия у него сложилось убеждение, что необходимо устранить Старицких, так как не было уверенности, что трусливый Владимир не будет вновь выдвинут какими-то кругами как кандидат в государи. Можно думать, что в этот момент, а именно в августе 1568 г., Грозный и решил, что следует внести в официальную летопись многие из боярских «недобрых дел», которые замалчивались в предыдущей редакции. Наше предположение подтверждается тем фактом, что как раз в августе 1568 г. отправили из Царского архива в Александровскую слободу, где велось жесточайшее следствие, 224-й ящик, в котором хранились «списки, что писати в летописец» за 1560—68 годы.¹⁵¹ Очевидно, что был привезен и Синодальный список летописи, поскольку он был в более законченном виде, чем Царственная книга, и ясно, что предыдущий текст был нужен для определения дальнейших тенденций летописания.

Значит, в распоряжении редактора для внесения дополнений было свыше полутора лет, чтобы произвести указанные царем изменения относительно слов «государев брат». Срок этот совершенно достаточен, принимая во внимание, что летописное дело велось широко и основательно был целый штат писцов и рисовальщиков.¹⁵² Вопреки мнению Д. Н. Альшица,¹⁵³ за этот срок можно было успеть переписать некоторые листы Синодального списка с поправками. Делал эти приписки, как мы показали на разборе приписки о «мятеже» в Боярской думе, дьяк И. М. Висковатый.

В августе 1568 г. Грозный дал два указания Висковатому. Первое указание заключалось в том, что надо продолжить летопись по материалам, подобранным в ящике 224 Царского архива. Этим и объясняется верное

¹⁴⁷ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32

¹⁴⁸ Там же, стр. 31—32. Это наблюдение П. А. Садикова также бьет по гипотезе Д. Н. Альшица об авторстве царя в приписке 1553 г. которая была написана — по доносу Ивану IV на других бояр, т. е. как преданный слуга самодержца

¹⁴⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 575

¹⁵⁰ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32

¹⁵¹ С. О. Шмидт. Описи царского архива, стр. 43

¹⁵² А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900, стр. 1—2, Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 409

¹⁵³ Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 618

наблюдение Д. Н. Альшица,¹⁵⁴ что с 1560 г. меняется характер записей в Синодальном списке. Он изменился потому, что редактирование событий с 1560 г. производить стало новое лицо, «секретарь тирана» Висковатый. Понятно также, почему это изложение не закончено и обрывается на 1567 г., — большого редактор не успел сделать, ибо был казнен в июле 1570 г. Д. Н. Альшиц думает, что до 1560 г. редактировал текст Макарий,¹⁵⁵ но есть все основания приписать редактирование Алексею Адашеву.¹⁵⁶ Тогда понятен и рубеж в оформлении текста в 1560 г.: Алексей Адашев в мае этого года был послан «с большим нарядом» в Ливонию. Если бы он не был редактором, зачем он увез бы с собой в поход «списки черные, писал память, что писати летописец лет новых»? Естественно, что дальнейший подбор материала в ящике 224 («Что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074 и до 76-го», т. е. как раз от 1560 до 1568 г.) велся тоже при архиве и что Висковатый имел к нему какое-то отношение. Поэтому также естественно, что царь вызвал его вместе с материалом и летописью и дал ему это указание.¹⁵⁷

Второе указание царя заключалось в том, что надо пополнить текст, составленный «собакой» Алексеем Адашевым, и что теперь незачем скрывать или приукрашивать печальные факты о боярских изменах и сомнительном поведении Старицких. Висковатый, имея перед собой Синодальный список, начинает вносить поправки немедленно, находясь еще в Александровской слободе. Наша догадка подтверждается тем фактом, что дело о следствии с пыткой князя Семена Лобанова-Ростовского было, судя по описи Царского архива, взято царем и не возвращено в архив. Понятно, что Висковатый, бывший членом следственной комиссии, сразу мог конкретизировать приглашенное Адашевым сообщение об этом деле в основном тексте Синодального списка. Так возникла приписка под 1554 г. Она появилась, вероятно, в первую очередь также от того, что была наиболее актуальной: царь и его «секретарь» были под свежим впечатлением «листов», привезенных И. С. Козловым, и результатов следствия 1567—1568 гг. Висковатый в приписке 1554 г. и открывает факт, ставший ему известным со времени этого сыска в том же году, что был «сговор» небольшой группы бояр. Можно предположить, что и дальнейшие поправки в Синодальном списке сделаны Висковатовым именно тогда же, в Александровской слободе, отчасти в результате соединения детских воспоминаний Грозного об этих происшествиях и более зрелых впечатлений Висковатого.

Это видно из того, что важные поправки начинаются в Синодальном списке с 1538 г. С одной стороны, это означает, что у царя, начиная с восьмилетнего возраста, могли сохраниться те или иные яркие воспоми-

¹⁵⁴ Д. Н. Альшиц Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 257—259

¹⁵⁵ Там же, стр. 257

¹⁵⁶ А. А. Зимин И. С. Пересветов и его современники, стр. 29—41. О том, что Адашев занимался составлением летописи, свидетельствует опись Царского архива см. в описании ящика 223 указание, что князь А. П. Телятевский, производивший в Юрьеве-Ливонском следствии о смерти Алексея Адашева, привез «списки черные» «летописца лет новых», которые «у Олексея взяты» (С. О. Шмидт Описи царского архива, стр. 43)

¹⁵⁷ Кроме всех соображений по существу возможности такого объяснения, можно заметить, что в большинстве случаев опись точно отмечает, кто именно брал документы из архива «для государя» (С. О. Шмидт. Описи царского архива, Примечания, стр. 17—43). В тех же случаях, когда, как в данном, касающемся ящика 224, помечено только «отдан ко государю», «взят ко государю» или «в 76 году августа летописец и тетради посланы ко государю в Слободу», возникает мысль, что эта краткость и отсутствие имен обусловлены тем, что передача производилась лицом, имеющим ближайшее отношение к архиву, т. е. в августе 1568 г. самим Висковатым.

нания. С другой стороны, не есть ли это дата, когда Висковатый появился в Посольском приказе и, стало быть, мог отчетливо знать многие события, описанные в летописи? Вполне вероятно, что царь и его «ближний черный думец» обсудили характер необходимых вставок и царь дал Висковатому «столбцы»¹⁵⁸ своего послания Курбскому от 5 июля 1564 г.; отсюда сдержанное и разумное изложение в приписках различных драматических событий, о которых упоминает Грозный в неистовых словесных каскадах к «изменнику», «собаке», князю Андрею. Вероятно и то, что указание относительно рисунка в Синодальном списке мог сделать царь.¹⁵⁹ Но записи на полях рукописи производил его «секретарь», дьяк Иван Михайлович, что и естественно для редактора рукописи.

Вернувшись в Москву с этими поправками, сделанными в Александровской слободе по тексту Синодальной рукописи, за годы 1535—1542 (март) и 1553 (август)—1558, Висковатый дал его перебелять, а сам стал пересматривать переписанный текст Царственной книги, редактируя ее с новой точки зрения, указанной Грозным. Однако закончить работу по редактированию Висковатый уже не успел, хотя и сделал столь важные дополнения, как «ключевая» к данной теме приписка под 1553 г. Говоря современным языком, Висковатый сделал «первую» и «вторую» корректуры для будущего единого сводного текста лицевой летописи.

Такая концепция подтверждается эпизодом под 1539 г., где упоминаются «вражда бояр» Шуйских с Бельским и убийство дьяка Федора Мишурина. Там сделана приписка: «А князя Ивана Федоровича Белского поймаша и посадиша его за сторожи, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село».¹⁶⁰ В Царственной книге в этом месте нет приписки, но в тексте имеется рассказ более подробный, чем в Синодальном списке: дан заголовок «О вражде между бояр великого князя и о убийстве дьяка Федора Мишурина»; сама история начинается так «Тоя же осени по дияволу действу бысть вражда между великого князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Васильевича Тучкова». В конце рассказа говорится: «...и многие промеж них бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим петься, а не государским, ни земским».¹⁶¹

Д. Н. Альшиц усматривает в приведенных текстах доказательство того, что «из числа жертв уوبيцы Тучков попал в ее организаторы», и делает из этого вывод, что в данном тексте Царственной книги уже отразилось письмо Грозного от 5 июля 1564 г. и что, значит, «Синодальный список (в первой своей части, отредактированной) и приписки к нему сделаны раньше 1564 года, когда и сам Курбский был в чести и предки его поминались добрым словом в составляемой истории царствования, что Царственная книга и приписки к ней сделаны после 1564 года»¹⁶² Но такая интерпретация неубедительна.

Если бы дополнение под 1539 г. в Синодальном списке делал царь в 1563 г., оно непременно появилось бы в тексте Царственной книги, составлявшейся позднее. Но приписки делались не царем и не в 1563 г., как

¹⁵⁸ По аналогии с царским письмом Василию Грязному-Ильину, сохранившимся в «Крымских посольских книгах», можно быть уверенным, что копия переписки с Курбским хранилась в государственной канцелярии.

¹⁵⁹ Д. Н. Альшиц Источники, стр. 143.

¹⁶⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 98.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 432.

¹⁶² Д. Н. Альшиц Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263—264.

полагает Д. Н. Альшиц, а в августе и в последующие месяцы 1568 (7076/77) г.

Приведенный текст Царственной книги «О вражде между бояр...» свидетельствует только о том, что в ней (как выше говорилось) уже при составлении больше стало подчеркиваться «государское» начало. Если бы сам царь редактировал текст, едва ли он удержался бы от «прубриянского стиля», в котором был такой мастер.¹⁶³ Следов этого стиля нет ни в тексте Царственной книги, ни в приписках. Отметим также, что в данном тексте Царственной книги вовсе и не видно, что Тучков «попал в организаторы усобицы», — острое изобличения по-прежнему направлено против Шуйских: «...начаша враждовати князь Василей да князь Иван Василичев Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василичева Тучкова за то, что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрия Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околыничим; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, — всяк своим печется, а не государским, ни земским. И о сем начаша вражду велику дръжати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Белского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишурина». Таким образом, здесь нарисована картина (более подробная, чем в приписке к Синодальному списку) неблагоприятных действий Шуйских без ущерба для Тучкова. Следует подчеркнуть, что, если, как признает и сам Д. Н. Альшиц,¹⁶⁴ Царственная книга должна была поглотить Синодальный список, правомерно думать, что это «поглощение» происходило постепенно, но при этом бывали и изменения в тексте, подобные только что рассмотренному. Не надо упускать из вида, что перед нами — тексты, все еще редактируемые Висковатым. Доказательство этого можно видеть в том факте, что приписки в Царственной книге не успели войти в текст. Мы не знаем, как выглядел бы окончательный текст официального лицевого свода за эти годы. Но понятно, что экономить бумагу и щадить труды писцов не приходилось.¹⁶⁵ Как дипломат Висковатый отлично понимал не хуже царя значение исторического повествования о царствовании Грозного, и в частности об устранении Старицких. Бумагу жалеть не приходилось и по другой причине: по-видимому, ее осталось после казни Висковатого немало; не случайно ею пользовались в 1571 и 1572 гг. в Посольском приказе.¹⁶⁶

Ознакомление с общим характером поправок в Синодальном списке и Царственной книге, которых всего около ста, показывает, что в правке текста есть явные признаки профессиональных навыков редактора, привыкшего к письменной работе, который производил систематический просмотр написанного, а не только преследовал задачу внесения политической тенденции. Как говорит сам Д. Н. Альшиц, «на листах Царственной книги имеется несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений, вплоть до исправления орфографических ошибок, пропусков местоимений, предлогов, букв». Надо согласиться с мнением Д. Н. Аль-

¹⁶³ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 465—467; Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 575.

¹⁶⁴ Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123—124.

¹⁶⁵ Д. Н. Альшиц (Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 287, прим. 111) напрасно считает такое отношение к работе писцов и к растрате бумаги невозможным для Висковатого.

¹⁶⁶ Лихачев, Вод. зн., т. I, стр. СХХVI—СХХVII.

щица, что «над текстом произведена самая настоящая корректура».¹⁶⁷ Едва ли, однако, можно допустить, что ни государственные дела, ни сыски по заговору, ни большое нервное напряжение не мешали царю в эти годы быть усидчивым «правщиком гранок».

Но им должен был быть «секретарь тирана». Д. Н. Альшиц стремится доказать, что царь сам правил рукопись, неоднократно проверяя текст по документам.¹⁶⁸ Весьма трудно вообразить себе Грозного в такой роли. Но она совершенно естественна для Висковатого, начавшего свою «головкружительную карьеру» (как отмечает И. И. Смирнов) в роли писца и дошедшего до «канцлерства», по выражению иностранцев. Он был не только «писарем» и «верником», по утверждению врагов, он являл собой новый для эпохи тип поборника создававшейся «империи», централизованного государства; с его мнением считался Грозный, а дьяк Иван Михайлов не боялся высказывать свою точку зрения и в Боярской думе,¹⁶⁹ и на Земском собрании.¹⁷⁰

Висковатый — в первую очередь дипломат, многолетний глава Посольского приказа. Естественно, что он знал дела этого приказа лучше всех и правил их быстрее всех. Под «лето 7051», т. е. 1543 г., в Царственной книге написано: «Тоя же осени, октоврия 15, приидоша послы великого государя Ивана Васильевича вся Руси от Жигимонта короля Польского Василей Григорьевич Морозов да Федор Семенович Воронцов да диак Посник Губин з грамотою перемирною за королевою печатию».¹⁷¹ В квадратных скобках помещена приписка. Как бы эту неточность мог заметить Грозный? Ошибка писца — в пропуске фамилии, но текст вполне грамматичен, это рутинный текст из посольской хроники. В 1543 г. Ивану было около 13 лет, едва ли он мог помнить состав посольства. Д. Н. Альшиц объясняет: «Это исправление с очевидностью подтверждает наш прежний вывод о том, что, редактируя лицевой свод, царь держал перед собой один из списков Никоновской летописи, по которому сверял редактируемый текст».¹⁷² Если же редактором был Висковатый, дело выглядит по-другому. В 1542 г., 19 марта, он сам как подьячий писал перемирную грамоту, с которой уехали в Польшу эти же послы. Не удивительно, что в 1568 г. он сразу заметил эту ошибку и ее исправил, может быть, и заглянув в Никоновскую летопись, хотя в этом для Висковатого не было необходимости. Кроме того, в Царском архиве, в ящичке 136, лежал оригинал этой грамоты, и в описи перечислены в том же порядке, без ошибки, те же лица, — Висковатый, заведующий архивом, мог легко восстановить состав посольства.

По той же самой причине, например, в рассказе об отправлении послов в Литву в 1542 г. Висковатый прибавил к имени дьяка Постника Губина два слова: «сына Моклокова»; видимо, он хорошо его знал.¹⁷³ Того же типа «профессиональное добавление» под 1546 г.: при упоминании крымского царя скорописью приписано «Санип Гирею».¹⁷⁴

¹⁶⁷ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263.

¹⁶⁸ Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 125.

¹⁶⁹ См. замечательный случай в переговорах с польско-литовским послом Двойной, когда Висковатый настоял на перенесении вопроса, уже принятого царем и Боярской думой (И. И. Смирнов, стр. 258—259).

¹⁷⁰ Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920, стр. 8—9.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441—442.

¹⁷² Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123.

¹⁷³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441. В архиве были дела «Губы Моклокова» (см.: С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 26).

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 448.

Понятно, что Висковатый хуже знал военные дела. Он запутался, редактируя сообщение под 1555 г. в рассказе «о присылке из Асторохани»: ¹⁷⁵ он начал писать по разрядной книге сообщение и вдруг заметил, что оно уже включено в текст несколько ниже, ¹⁷⁶ поэтому Висковатый и зачеркнул его.

Кстати, еще об одной приписке в связи с разрядными книгами. Известно, что сейчас выявлено много экземпляров этих ценных и точных источников по истории XVI в. ¹⁷⁷ Д. Н. Альшиц, опираясь на картотеку исторических деятелей XVI в., составленную на основании разрядов в отделе рукописей ГПБ, сообщает, что приписка под 1545 г., обвиняющая князей Петра Щенятева, Константина Курлятева и Михаила Ивановича Воротынского в пропуске татар на русскую территорию из-за местных ссор, неверна, так как они вместе никогда не служили. Значит, по Альшицу, Иван IV все это придумал: «... все трое оказываются людьми, так или иначе опороченными в глазах царя к моменту составления приписки о них», ¹⁷⁸ т. е., согласно Альшицу, в 1567—1568 гг.

Разберемся в известиях об этих боярах. М. И. Воротынский был в опале с сентября 1562 г. и с сентября 1565 г. боярин, казнен в 1573 г. ¹⁷⁹ Князь П. М. Щенятев, боярин с 1549 г., попал в опалу в 1565 г. и казнен 5 августа того же года. ¹⁸⁰ Князь Константин Иванович Курлятев, старший брат Дмитрия Курлятева, ¹⁸¹ умер в 1551 г.: — вклад «по душе» сделан был в июне того же года. ¹⁸²

Отметим факт, что с 1562 по 1565 г. Воротынский и Щенятев служить вместе не могли. В разрядах 1556—1562 гг. местнических споров между ними не отмечено. ¹⁸³ Между тем разряд 1556 г. подчеркивает, что князь Константин Курлятев «при великом князе Василии Ивановиче» служил и «в меньших», т. е. не считаясь родом. ¹⁸⁴ Не значит ли это, что столь далекая ссылка на время Василия III сделана потому, что при Иване IV К. И. Курлятев вступал в местнические споры? По описи Царского архива известно, что в ящике 217 лежало «дело о местах князя Михаила Воротынского с князем Петром Щенятевым». ¹⁸⁵ Значит, оба они, бесспорно, когда-то вместе служили. Не в 1545 ли году? Мы уже выше видели на примерах с ящиком 189 или с ящиками 190 («Дело старца Нила Курлятева и иных»), 213 («Иные грамоты»), 222 («И иных старцев») и 17 («А в нем грамоты dokonчальные резанских князей, и посольства, и иные списки»), ¹⁸⁶ что опись составлялась иногда довольно суммарно. Поэтому не исключена возможность, что из трех участников местнического спора 1545 г. названы в описи только два здравствовавших во время поступления дел в архив, т. е. Воротынский и Щенятев. Но так как существовало дело и на Константина Курлятева, о чем знал бывший с 1553 г. главой

¹⁷⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 245—246.

¹⁷⁶ Там же, стр. 247.

¹⁷⁷ Н. И. Кузнецов. Разрядные книги и их значение для истории армии периода укрепления Российского централизованного государства. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. X. М., 1957, стр. 309.

¹⁷⁸ Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 141—142.

¹⁷⁹ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 73, прим. 380, стр. 77.

¹⁸⁰ Там же, стр. 62, прим. 243.

¹⁸¹ Древняя российская вивлиофика, XIII. М., 1790, стр. 257.

¹⁸² А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 61, прим. 236.

¹⁸³ Древняя российская вивлиофика, XIII. стр. 275—342, разряды 1556, 1559 и 1562 гг.

¹⁸⁴ Там же, стр. 257.

¹⁸⁵ С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 41.

¹⁸⁶ Там же, стр. 37, 40, 42, 19.

архива Висковатый,¹⁸⁷ то естественно, что, делая приписку, он назвал всех трех воевод, повинных в пропуске татар на русскую территорию. Замечание Д. Н. Альшица, что «в близкое к указанному царем время» князь К. И. Курлятев служил в Серпухове (в 1544 г.), а князь М. И. Воротынский в Белеве (в 1543 г.), ни о чем не свидетельствует, так как из тех же разрядных книг известно, что служебные передвижения бывали ежегодно, а иногда и по несколько раз в год. Поэтому эта приписка под 1545 г. служит скорее в пользу достоверности сведений, в ней заключенных, и того, что писал ее Висковатый, чем как одно из важнейших подтверждений гипотезы Д. Н. Альшица.¹⁸⁸

Приписка о Федоре Бармине «к началу летописного повествования о 1548»: «Тогда же генваря 6 день протопоп благовещенский Федор Бармин разнеможеса, прииде на него сграхование, он же отпросися в чернецы у государя и пострижеса у Михайлова Чюда»¹⁸⁹ — вызывает у Д. Н. Альшица предположение, что причиной «страхования» Бармина была передача «обязанности царского духовника Сильвестру»¹⁹⁰ Насколько известно, до 1547 г. царским духовником был протопоп Яков от Николы Гостунского, а затем его место занял Федор Бармин, которого сменил «изящный в добродетелях» протопоп Благовещенского собора Андрей, позднее ставший митрополитом Афанасием.¹⁹¹ Д. Н. Альшиц утверждает также, что приписка к событиям 23 июня 1547 г., где упоминается как здравствующий тот же Федор Бармин, выдумана царем в 1567—1568 г. Царь собрал в нее «покойников», «в отношении которых проверка была невозможна»: ¹⁹² «Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйский, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой».¹⁹³

Все это построение о «мертвых душах» искусственно. Кроме И. П. Федорова никто из них не подвергся опале.¹⁹⁴ Федоров, доносивший царю в другой приписке под 1553 г. на оппозиционеров кандидатуре «пеленочника», погиб в 1568 г. из-за другого — вполне реального — государственного преступления. Как убедительно показывает беспристрастное чтение источников, содержание приписки вполне достоверно.¹⁹⁵ Надо добавить, что автор ее, Висковатый, особенно ревностный, как выше показывалось, к церкви «Благовещения у царских сеней», очевидно, знал Бармина лично, может быть, беседовал с ним на церковные темы, отсюда точность даты — «генваря 6 день».

И. И. Смирнов уже убедительно показал, насколько неправ Альшиц, строя предположение о том, что в приписке 1546 г. о «новгородских пишальниках» использовано сообщение Псковской летописи под 1547 г. о расправе царя над псковскими жалобщиками на наместника князя И. И. Прон-

¹⁸⁷ С. О. Шмидт К истории царского архива середины XVI века — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. XI М., 1958, стр. 394 и сл.

¹⁸⁸ Д. Н. Альшиц Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 619

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 458

¹⁹⁰ Д. Н. Альшиц Источники, стр. 139

¹⁹¹ И. И. Смирнов, стр. 175; Н. Устрялов Сказания князя Курбского, стр. 37; ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 451, 454

¹⁹² Д. Н. Альшиц Источники, стр. 138—139

¹⁹³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 456—457

¹⁹⁴ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 301

¹⁹⁵ А. А. Зимин 1) Реформы Ивана Грозного, стр. 300—302, 2) И. С. Пересегов и его современники, стр. 22—26 Следует подчеркнуть, что автор приписки относится, в сущности, отрицательно к этим обвинениям Глиских выдвинутым царским духовником и боярами: «вражним наветом начаша глаголати» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 455)

ского-Турунтая,¹⁹⁶ того самого, который, по рассказу приписки под 1553 г., бранился с Воротынским перед крестоцелованием и который был казнен в 1567—1568 гг. Надо прибавить, что упоминаемая приписка крайне неудачна с точки зрения оправдания царя в казни Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. Видно по перечеркиваниям в приписке, как автор колеблется в описании столкновения, драки и стрельбы, возникших между «государскими дворянами» и новгородцами-пищальниками, приехавшими «бить челом» государю. Связанный, как и во всех других приписках, предыдущим текстом, в данном случае Синодального списка, автор приписки в конце концов признает, что назначенный расследовать дело дьяк Василий Захаров-Гнильев «неведомо каким обычаем, извести государю сие дело на бояр его, на князя Ивана Кубенского и на Федора и на Василия Воронцовых». Сознвая, что это объяснение неудовлетворительно, автор приписки пустился объяснять, что Федор, бывший «в приближении» у царя, «досадовал» на других царских фаворитов. Поняв, что и это не объясняет причины казни, автор приписки приписал вразрез с вышенаписанным, что «князь великий, поверя дьяку своему, учя о том досадовати и князь с великия ярости положил на них гнев свой и опалу по его словесем» и «по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимаху во многих государьских и земьских делех, да и за многие их сопротивства».¹⁹⁷

Неужели, если бы приписку делал царь, он, фальсифицировавший — по Д. Н. Альшицу — известия о своем царствовании, не мог бы придумать «вины» казненных? Ясно, что приписку делал человек, старавшийся ввести в приписки прогрозновский смысл, но человек, стоящий на почве фактов, ему известных или на основании документов, или на основании собственных наблюдений современника событий.

Подведем некоторые итоги:

1) приписки в Синодальном списке и в Царственной книге лицевого свода Грозного сделаны дьяком Иваном Михайловичем Висковатым;

2) они делались в период от августа—сентября 1568 г. до, примерно, половины июля 1570 г., когда в последний раз Висковатый упоминается как должностное лицо;

3) приписки сделаны по указанию Грозного в связи с решением царя устранить князя Владимира Андреевича, его двоюродного брата;

4) приписки в основном заслуживают полного доверия; они отражают действительные события 1538—1554 гг.

¹⁹⁶ И И Смирнов, стр 108, прим 25а, Д Н Альшиц Источники , стр 132—136

¹⁹⁷ ПСРЛ т XIII ч 2 стр 448—449